

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

СЕВЕРНЫЙ ДРУГ И БРАТ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

**К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА**

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
СЕВЕРНЫЙ ДРУГ И БРАТ
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку — в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье — «Грузины», ныне — Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой — в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские — опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» — первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель —

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта —

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

© **Русский клуб. 2020**

ISBN 978-9941-8-2798-3

Коджорская, 15

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Знаменитый дом N15 на Коджорской. Именно сюда тбилисцы приводят своих самых дорогих гостей, чтобы сообщить: «Здесь жил Есенин!» Ну, а нам, бывшим ученикам целых трех русских школ, находившихся неподалеку (45-й, 43-й и 66-й), мемориальная доска над этим порогом знакома с детства – мимо нее мы вдохновенно таскали с крутизны металлолом. А потом с тем же вдохновением устраивали в школах есенинские вечера, спорили о загадках жизни и смерти поэта. Вот и теперь, чтобы перелистать страницы воспоминаний, остановимся у колоритного двухэтажного дома, грозящего

вот-вот развалиться...

Сергей Есенин может считаться одним из лидеров по неразгаданным тайнам биографии, и это при том, что вся его жизнь была вроде бы открыта, вся – на виду. Вот так и с тбилисским периодом. Сколько раз поэт приезжал в этот город? Сколько времени провел здесь? Споры не прекращаются.

Больше всего известно и написано про знаменитую «бесснежную тифлисскую зиму» Сергея Александровича, которую по плодотворности многие сравнивают с «болдинской осенью» Александра Сергеевича. Именно тогда, в 1924-25 годах,

Есенин и жил на Коджорской. Но ведь это был отнюдь не первый его приезд в грузинскую столицу. «Милый друг Тициан», как называл Есенин знаменитого «голубороговца» (члена литературной группы символистов «Голубые роги») Тициана Табидзе, напоминает, что Сергей приезжал в Тифлис еще в 1920-м, но... «Но мы с ним не встречались, и, если бы не воспоминания А. Мариенгофа, то о первом пребывании поэта в Тифлисе мы так и не знали бы совершенно».

Ну чем, казалось бы, не очередная тайна есенинской биографии? Впрочем, возможности приподнять над ней завесу у нас сегодня больше, чем у Тициана: спустя десятилетия можно разглядеть то, что ему было просто недоступно. Уже позже исследователю есенинского творчества Владимиру Белоусову рассказал о той поре уникальный человек, доктор филологических наук, классик шахматной композиции Александр Гербстман. С этого эпизода и начнем знакомиться с Есениным в Грузии.

«БЫЛИ ТОЖЕ В ТИФЛИСЕ...»

Обратимся к ростовскому профессору Гербстману не за шахматной мудростью, а как к верному другу Тбилиси, с которым его связывают и студенческие годы, и первые успехи за черно-белой доской, и последующие приезды к друзьям. Именно во время одного из таких приездов он и встретился с Есениным. О том, когда это произошло, Александр Иосифович говорит уверенно, с четкой логикой шахма-

Перед выездом на Кавказ. 1920 г.

Александр Гербстман

тиста:

«Во второй половине 1920 года к нам с женой в гостиницу неожиданно явился мой друг детства и соученик по ростовской гимназии – Марк Захарович Цейтлин. Память позволяет мне назвать время приезда его в Тифлис с полной уверенностью. Дело в том, что я женился в апреле 1920 года, а 20 сентября 1920 года выехал с женой из Тифлиса в Сухум. Цейтлин появился за месяц до нашего отъезда. Уже в гимназические годы он был известен тем, что стал редактором-издателем молодежного печатного журнала «Юная мысль», выходившего в Ростове-на-Дону». Марк Цейтлин сообщает другу детства, что он –

комендант поезда, прибывшего из Советской России в Грузинскую Демократическую Республику. И что он привез «гордость и надежду советской поэзии – Сережу Есенина», на встречу с которым приглашает. Так каким же ветром занесло поэта на этот явно не литературный поезд?

А все дело в том, что на пару лет раньше он познакомился с двумя друзьями – Анатолием Мариенгофом и Георгием Колобовым. Первый был поэтом, второй – чиновником Высшего совета перевозок при Совете Труда и Обороне РСФСР. Что, впрочем, не помешало ему писать стихи, вместе с имажинистами эпатировать общественность, участвовать в создании Устава «Ассоциации вольнодумцев в Москве» и даже быть хранителем печати этой организации. Летом 1920 года Колобов – уже «шишка» во Всероссийском Совете Народного Хозяйства и ему приходится часто ездить по стране. Вот он и приглашает в свой вагон друзей-литераторов, а те проводят творческие встречи в городах на маршрутах его служебных командировок. «Отдельный белый вагон... У нас мягкое купе. Во всем вагоне четыре человека и проводник», – вспоминает Мариенгоф... На этот раз белый вагон привозит их из советского Баку в Тифлис, куда пока еще не вступила Красная армия.

Итак, Гербстман с женой отправляются на встречу с Есениным. Она проходит в квартире известного тифлисского юриста Захара Рохли-

С. Есенин и Г.Колобов в Тифлисе. 1920

на. В первые минуты шахматист не верит, что перед ним Есенин: «Он выглядел совсем по-мальчишески, был навеселе, его разговор не совпадал с моими представлениями о знаменитом поэте». Но когда во втором часу ночи этого русоволосого парня уговаривают прочесть стихи, сомнения рассеиваются: «Читал Есенин изумительно: очень эмоционально, всем телом жестикулируя, особенно руками и головой... Я был потрясен...»

Между тем, и тогда время было такое, что без политики не обходятся даже поэтические чтения. Тем более, что в семье юриста – раскол: сын Костя ушел в большевики и скрывается от властей. Он появляется у отца, чтобы послушать Есенина, а того после стихов тянет на политику: «Мы – советские...», «Советская Россия – наша родина...». Хозяева предлагают Сергею выйти на веранду, но там в нем

просыпается то самое хулиганство, которое хорошо знала Москва. Он перегибается через решетку и кричит какому-то прохожему на всю спящую улицу: «Да здравствует Советская Россия!»

Естественно, вскоре в дверях появляется милиция, но все заканчивается благополучно. Костю удастся спрятать, его папа, достав бумажник, откупается (милиции всех времен и всех стран мало чем отличаются друг от друга), гостей укладывают спать... Вот такое, пожалуй, единственное свидетельство о поэтическом вечере в первый есенинский приезд. А еще сохранилась фотография начала сентября 1920-го – Есенин с Колобовым в Тифлисе. Ее уникальность особо отмечал спустя 47 лет поэт Георгий Леонидзе.

Однако от бдительных «органов» Есенину отвертеться не удастся. Правда, уже от российских, по возвращении в Москву. Там че-

кисты арестовывают его за связь с людьми, обвиненными в «причастности к контрреволюционной организации». За поэта поручаются крупные должностные лица, его отпускают, а из его показаний мы выпишем такие строки: «Я состоял секретарем товарища Колобова, уполномоченного НКПС (Народного комиссариата путей сообщения – В.Г.) 8 июля мы выехали с ним на Кавказ. Были тоже в Тифлисе, по поводу возвращения вагонов и паровозов, оставшихся в Грузии».

Стремление в Грузию у Сергея Александровича не пропадает: в нем живет не только интерес к этой стране, но и надежда добраться из нее в Персию, которой он тогда, прямо скажем, грезил. А его друзья, среди которых и Анатолий Мариенгоф, убеждающий всех, что связь с Айседорой Дункан – трагедия для Есенина, думают убраться его из зоны досягаемости американской танцовщицы. В итоге, «соблазнили и соблазнили Персией».

Так что не проходит и полутора лет, как имя Есенина вновь значится в списках пассажиров все того же колобовского вагона, отправляющегося в Тифлис, а затем – в Батум. Но тогда, в феврале 1922-го, поэт опаздывает к отправлению поезда, догоняет его лишь в Ростове-на-Дону, а там... ссорится с Колобовым прямо на вокзале и возвращается в Москву. Так его второе появление в Грузии откладывается еще на полтора года. Ничего это Тициан знать не мог. У него были лишь несколько строк из воспоминаний Мариенгофа.

«ПОЭТЫ ВСЕ ЕДИНОЙ КРОВИ»

Но уж в следующий приезд Есенина в Грузию «голубороговец» был в центре всех событий, вместе с другими грузинскими поэтами восторженно принимая русского собрата. Тот период жизни Есенина так и вошел в историю, как «тифлисский», хотя с начала сентября 1924 года по конец февраля 1925-го Сергей покидал грузинскую столицу, отлучаясь в Баку и Батум. Но каждый раз возвращался в Тифлис, где он обрел таких друзей, как Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Нико Мицишвили, Сандро Шаншиашвили, Симон Чиковани, Валериан

Симон Чиковани

Гаприндашвили... Тех самых, которм он написал:

Земля далекая!
 Чужая сторона!
 Грузинские кремнистые дороги.
 Вино янтарное
 В глаза струит луна,
 В глаза глубокие,
 Как голубые роги.
 Поэты Грузии!
 Я ныне вспомнил вас.
 Приятный вечер вам,
 Хороший, добрый час!..

Я – северный ваш друг
 И брат!
 Поэты – все единой крови.
 И сам я тоже азиат
 В поступках, в помыслах
 И слове....

Николай Шенгелая

«Еще в 1922-1923 годах вокруг личности и творчества Сергея Есенина буквально роились легенды. Был обострен интерес к нему и у нас. Грузинские поэты всех поколений знали наизусть стихи Есенина. Есенинские строчки звучали на писательских встречах, диспутах и собраниях. Приезд Сергея Есенина в Тбилиси был вполне подготовлен», – утверждал Симон Чиковани. Появление знаменитого русского поэта в грузинской столице он вспоминал так:

«9 сентября на проспекте Руставели появился Сергей Есенин... Есенин почти не выделялся на улице из толпы. Но при близком общении он сразу раскрывался как обаятельный и чрезвычайно привлекательный человек. С его ясным и по-настоящему красивым лицом, с его светло-голубыми глазами и пшеничного цвета, разделенными пробором кудрями очень гармонировал серый костюм. По проспекту он шел легкой походкой, во всей его внешности сквозила благородная простота, он был по своему статен. В нем не было ничего вызывающего, и меньше всего он был похож на скандалиста. Спокойно шел он по тбилисским улицам и пристально вглядывался в незнакомый город. С первого же дня он крепко подружился с голуборожцами, с ними и проводил главным образом все свое время».

Совсем молодым, Чиковани вместе с другом Колей, которому предстоит стать знаменитым кинорежиссером Шенгелая, жил на улице Дзnelадзе (бывшая Саперная,

С. Есенин и К. Соколов в Тифлисе

ныне – Табукашвили). Сблизившийся с ними ленинградский художник Константин Соколов замечает, что оба хорошо знают есенинские стихи и не прочь познакомиться с автором. Вот он и предлагает: «Если хотите, приведу сюда Есенина!» – они вместе приехали из Баку. «Мы опешили, – признается Чиковани. – Правда, комната наша была достаточно просторна, но в ней не было никакой мебели, она была просто пуста, и гостям приходилось усаживаться на широкий подоконник. Зато вид из окна открывался отличный... виднелась Кура, и наша комната будто создана была для чтения стихов и поэтических бдений!»

Соколов исполняет обещание неожиданно, ночью – Есенин живет неподалеку, в гостинице «Ориант». Чиковани вспоминает, в каком смятении были они с Шенгелая: «Мы

Гостиница «Ориант», в которой останавливался Есенин

растерянно засуетились, не зная, куда предложить гостям сесть – то ли на кровать, то ли на подоконник, – но гости были в прекрасном расположении духа, явно навеселе, по-видимому, только что с какого-то пиршества, и не замечали нашей растерянности. Наконец Колю Шенгелая осенило, и он начал читать стихи гостя:

Паоло Яшвили

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как вечер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе...

И я с облегчением подхватил эстафету:

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист...»

Удивленный и обрадованный Есенин спрашивает Соколова, к кому его привели, и, узнав, что к молодым грузинским поэтам, восклицает: «Они же мои братья!» Потом, не найдя в комнате куда бы «приземлиться», садится на подоконник, заявляет: «Зал великолепен, но, к сожалению, публики маловато!» и начинает очень тихо читать: «Да, теперь решено, без возврата, я покинул родные поля...», затем «Я обманывать себя не стану...». Хмель его выветривается, еще поговорив с «братьями», он извиняется и прощается. Его провожают до проспекта Руставели. На второй или третий день после этого они встречаются в знаменитом приюте тифлисского творческого люда – кафе «Химериони». Есенин в одиночестве потягивает кофе, просматривая прессу. Он приглашает новых знакомых к столику, снова извиняется за ночное вторжение и сетует, что в одном из журналов его причисляют к «крестьянским поэтам». А он – «просто русский поэт и не принадлежит ни к какому слою».

Роспись Д. Какабадзе в кафе «Химериони»

Кафе «Химериони».
Роспись Л. Гудишвили

Потом они говорят о Маяковском, Пастернаке, Хлебникове. Гости спрашивают, как футурист Велемир Хлебников мог очутиться среди имажинистов, к которым принадлежал Есенин? Ответ неожиданный: «Вы думаете, что я был настоящим имажинистом? Я ничего общего не имел с их поэтикой, но дружил с некоторыми из них... И у Хлебникова поэтика иная, но кое в чем мы ему уступили, и он присоединился к нам. Вообще литературные группировки

отжили свой век. Настоящие поэты служат всему народу, а не вкусам той или иной группы. Поэзия – дело народное».

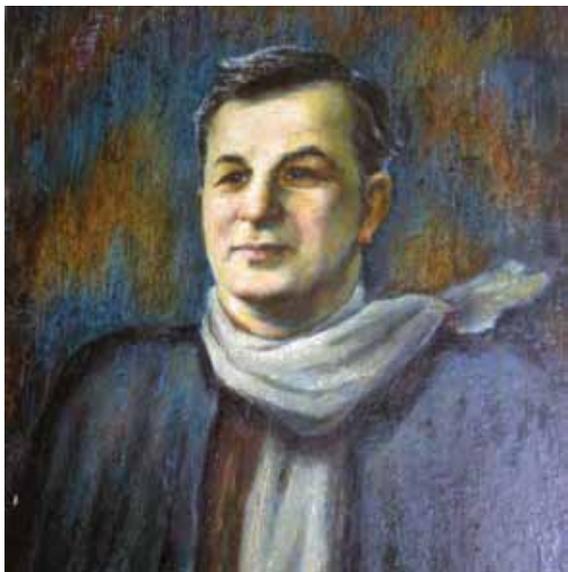
Снова «Химериони». Есенин уединенно ужинает, стараясь не привлекать внимания. А за соседним столом разбуянился один из молодых грузинских поэтов. Он отказывается от принесенных блюд, привередничает, опрокидывает стол, в драку ввязываются официанты и повара. Страсти охлаждает Есенин – разнимает и успокаивает дерущихся, потом приглашает поэтов за свой столик: «Я слышал, у вас был недавно вечер, и публики было очень мало, вы бы скандал устроили до вечера – это привлекло бы народ. Такой скандал был бы оправдан, борьба за поэзию – дело благородное, и никто не стал бы вас винить, сегодняшняя же ссора бессмысленна и бессмысленна...» Еще и урок того, что сейчас называют пиаром.

«ЛЮБИ МЕНЯ И ГОЛУБЫЕ РОГИ»

Теперь слово еще одному «голубороговцу» Георгию Леонидзе: «Итак, в сентябре 1924 года бакинский поезд привез Сергея Есенина в Тбилиси. Каждого вновь прибывшего к нам поэтического гостя первыми встречали, как правило, Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. Паоло был гостеприимным хозяином... и вряд ли кто из гостей мог миновать Тициана Табидзе. Он в этом отношении продолжал традицию прославленного поэта, друга и тестя Грибоедова – Александра Чавчавадзе, и знаменательно, что он по воле случая жил именно там, где когда-то стоял дом Александра Чавчавадзе. И не случайно, что Сергея Есенина первым встретил как раз Тициан, «мгновенно с ним крепчайше сдружившийся». Как впоследствии вспоминал Тициан Табидзе, он и Шалва Апахидзе были первыми грузинскими слушателями Есенина, с ходу прочитавшего им недавно написанное «Возвращение на родину». Впрочем, послушаем самого «милого друга Тициана»:

«...Он безусловно находился в зените своего творчества. До этого С. Есенин уже успел побывать в Европе и Америке. Но что могла дать его мятущейся душе иссушенная поэзия Запада? Он сам рассказывал, что никогда раньше не чувствовал

Георгий Леонидзе

такой суеты и холода, как именно в тот период. Внешний успех на Западе не излечил его внутреннего кризиса, и он вместо успокоения чувствовал какое-то ожесточение. Ему хотелось сразу наверстать пропущенное вдохновение, он чувствовал неиссякаемый творческий голод. Из уже достаточно собранных материалов для биографии поэта можно уследить, что грузинский период творчества С. Есенина был одним из самых плодотворных: за это время он написал чуть не треть всех стихов последнего времени, не говоря уже о качественном их превосходстве. В первый же день приезда в Тифлис он прочел мне и Шалве Апахидзе свое «Возвращение на родину». И стихи, и интонации голоса сразу показали нам, что поэт – в творческом

угаре, что в нем течет чистая кровь поэта».

О том, как выглядел тогда Есенин, подробно рассказывает Георгий Леонидзе: «Я увидел я его впервые красивым, двадцатидевятилетним, с уже выцветшими несколько кудрями и обветренным лицом, но задорно-синеглазым и по-детски улыбчивым, хотя и не без складки усталости на этой доброй и доверчивой улыбке. О нем сразу создалось впечатление, вскоре навсегда закрепившееся, как о кристально-чистом человеке подлинно рыцарской

Тициан Табидзе

Дом Тициана

натуры, тонкой и нежной души».

А это – описание, сделанное Ниной Табидзе, женой Тициана: «Он ходил в сером костюме, в руках держал палку с круглым набалдашником. Шел по улице важно. Но стоило ему увидеть кого-нибудь из знакомых, как он сразу преображался: лицо освещалось улыбкой, и даже его золотые волосы как бы излучали свет. Я очень любила за ним наблюдать, когда он меня не видел».

Таким и принимает его в своем доме Нина, обожающая всех друзей Тициана, в которых видит, в

Тициан и Нина Табидзе

первую очередь, не собутыльников, а талантливых людей. Для нее знакомство с Сергеем началось с афиши: «...Был осенний, сверкающий, солнечный день в Тбилиси. Я вышла в город. В глаза мне бросилась афиша: «Вечер Сергея Есенина». Я много слышала о нем от Тициана, знала его стихи, где есть чарующие строки и где переплетаются невысказанная нежность и буйная взволнованность, бунтарство. С афиши улыбался Есенин своей очаровательной

улыбкой. В тот вечер он читал удивительно, вдохновенно... В тот вечер мы с ним познакомились».

По ее словам, у Тициана «было открытое сердце, а при гостях он совсем таял» и обворожил Есенина своей душевностью. Тот часто бывал в доме Табидзе «как свой и близкий человек». Свидетельств тому немало. Вот Нина проходит мимо подвальной пивной на Земеле и слышит голос Есенина. Она спускается туда, «где, должно быть, ни одна женщина не бывала», и берет поэта за руку: «Идем со мной, Сережа!». Он, конечно, удивляется, увидев ее в таком месте, но идет покорно. Дома оказывается, что и Тициан искал гостя... А утром, когда Сергей просыпается, Нита, трехлетняя дочурка Тициана и Нины, увидев его волосы «цвета спелой ржи, как бы обсыпанной золотой пылью», всплескивает руками: «Окрос пули!» И прозвище «Золотая денга» так нравится Есенину, что он часто просит девочку повторять: «Окрос пули».

Дружит он не только с маленькой Нитой, но и с матерью Нины. И как-то заявляет ей: «Мама, вы очень вкусно угощаете, а вот русский красный борщ с гречневой кашей вы не умеете делать...». Та смеется: «Это не мудрено приготовить», и объявляет, что завтра к обеду будет «его любимое кушанье – борщ с кашей». Узнав об этом Тициан, конечно же, объявляет, что к такому обеду приведет поэтов. Но на утро Есенин долго не выходит в столовую, и Нина видит, как

он, лежа, вытирает кулаками глаза. Оказывается, он увидел во сне, что его сестра Шура плачет и жалуется, что у нее нет денег.

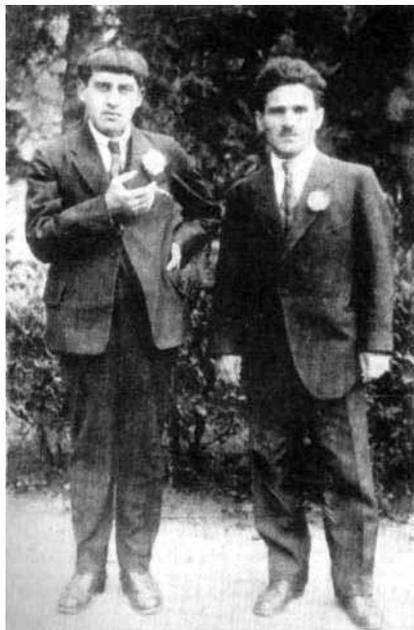
«Я знаю, что у нее денег нет, и у меня тоже нет денег, чтобы ей послать, и где достать, не знаю», – растерянно говорит он Нине. И та, пораженная его беспомощностью, решительно заявляет: «У вас же в «Заре Востока» стихи из рук рвут! Идите к Вирапу, он выдаст вам деньги». Обрадованный Есенин бежит к Никите Вирапу, председателю правления акционерного издательского общества «Советский Кавказ» – просить аванс под будущие гонорары. Тем временем к обеду собираются все друзья Тициана, не хватает лишь Есенина и Паоло Яшвили. Первым из них появляется Сергей с большим букетом хризантем и осыпает ими Нину: «Вирап дал деньги!» Потом приходит Паоло, видит развеселившегося Есенина, хитро улыбается и говорит ему: «Знаешь, Сережа, я хочу тебя обрадовать. Приехала в Тбилиси Айседора Дункан, я ее встретил на Руставели, сказал ей, что ты здесь, и адрес дал. Она сюда скоро приедет».

О том, что следует за этим, рассказывает Нина: «Трудно описать, что произошло с Есениным, когда он услышал эти слова. Он побледнел. Он не мог произнести ни слова. Он стоял с минуту как громом пораженный, потом вбежал в свою комнату и стал торопясь укладывать вещи в чемодан. Махнув на все рукой, схватил свой чемодан и убе-

жал. Паоло и Тициан бежали за ним и едва его догнали на улице. Паоло клялся, что он пошутил, что никакой Айседоры Дункан и в глаза не видел. Еле вернули его обратно. Есенин явно нервничал, каждый раз, когда открывали дверь, он вздрагивал и оборачивался – он все-таки боялся, что она появится. Он готов был бежать на край света, лишь бы не встретиться с ней». А Дункан и впрямь появляется в Тифлисе, но уже после отъезда Сергея, Нина обедает с ней в кафе «Париж» на Дворцовой улице и потом подчеркивает: «Узнав, что Есенина нет в Тбилиси, она тоже уехала вскоре».

Есенин настолько по-домашнему чувствует себя у Ти-

Тициан и Валериан Гаприндашвили

циана, что заходит и в двенадцать ночи. В один из таких приходов он застаёт Паоло и взволнованно читает друзьям только что написанное стихотворение «Поэтам Грузии». А Тициан достаёт книгу стихов Важа Пшавела и читает гостю по-грузински, тут же переводя все. «Восторгу Есенина не было границ, – вспоминает Нина. – В ту минуту он был похож на человека, который впервые взглянул на незнакомый мир широко раскрытыми глазами, и красота ослепила его. До этого дня Есенин не слышал о Важа Пшавела. Теперь же он слушал его строки, волновался, кипел, не мог усидеть на месте. Его очаровывала доброта, струящаяся из строчек Важа: и то, как он ласкает траву,

деревья, посеvy, лань – и растения, и животных. Вдруг Есенин вскочил и, как будто бы отвечая Важа, прочитал стихи, в которых он, словно предчувствуя близкую смерть, сожалел о прекрасном мире:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.

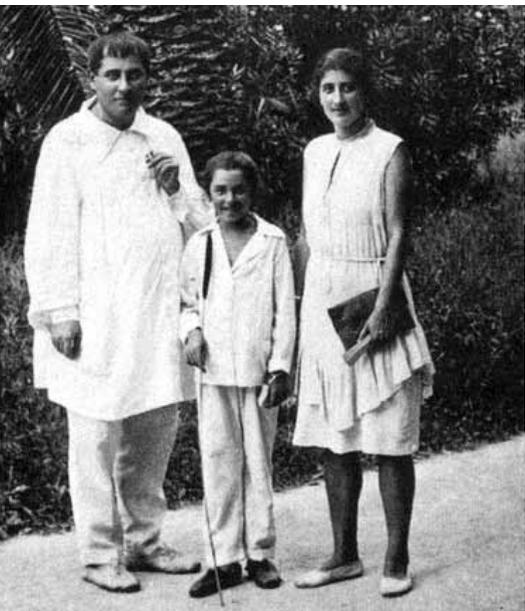
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Многое в поэзии Сергея Есенина перекликается с нежной любовью Важа Пшавела к лани, деревьям, птицам. Есенин и сам почувствовал это и обрадовался. Он поклялся, что переведет Важа Пшавела».

В общем, понятно, почему, выехав из «Орианта», жить в котором было все-таки накладно, Есенин поселяется именно в доме Табидзе, ставшего для него одним из олицетворений Грузии. Он дарит хозяевам по экземпляру своей новой книги «Страна советская», изданной в Тифлисе. Хозяину дома он надписывает: «Милому Тициану в знак большой любви и дружбы. Сергей Есенин». Надпись для Нины сделана... кровью: «Люби меня и голубые роги».

Грузинские друзья Сергея Александровича, да и не только они, великолепно описали те дни. А сколько страниц исписали по этому поводу литературоведы и биографы! Так что присмотримся к калейдоскопу некоторых ярких иллюстраций, которые воссоздают атмосферу того приезда.

Тициан, Нита и Нина

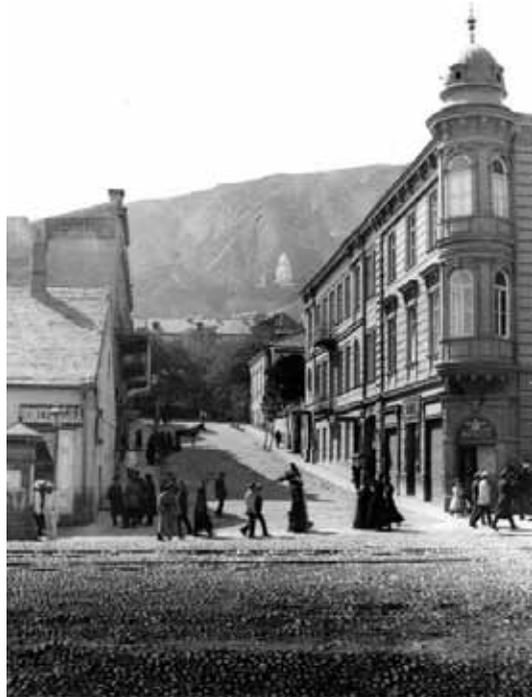

«Я ЕЩЕ НАПИШУ СТИХИ ПОЛУЧШЕ»

...В тифлисском Доме союзов – творческий вечер Есенина, собравший огромную аудиторию, пришли сюда и грузинские поэты всех поколений. Гость читает много, лучше всего принимают стихи – «Возвращение на родину», «Письмо к матери», «Русь Советская», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Да, теперь решено, без возврата...», «Мне осталась одна забава...». Потом, во время оживленного обмена мнениями, звучат и критические замечания. Поэт начинает возражать оппонентам, но речь ему не дается. И он просто восклицает: «Товарищи, не бейте меня, я еще напишу стихи получше!». Затем читает «что-то новое, понравившееся всем», и быстро смешивается с публикой.

...Еще одно выступление Есенина – в зале Совпрофа. В тот же день хоронят «грузинского соловья», оперного певца Вану Сараджишвили, это – настоящий национальный траур, церемония потрясает Есенина своей грандиозностью. И он уверен, что его вечер сорвется. Но в зале яблоку негде упасть, сам поэт в ударе, и Георгий Леонидзе отмечает: «Траурный полдень и поэтический вечер этого дня надолго объединили в сознании тбилисцев два редких самородных таланта – Сергея Есенина и Вану Сараджишвили»».

Магазин вод Лагидзе

...Есенин и Леонидзе выходят из легендарного магазина Лагидзевских фруктовых вод и видят у входа слепого чонгуриста, напевающего бесхитростную песенку:

Ну и что же, что я черна –
Я ведь солнцем опалена!
Я такой же, как все, человек –
Богом создана и рождена!..

«Что он поет?» – спрашивает Есенин. – «Библию». – «???» – «Песнь песней» Соломона: «Черна я, но красива, как шатры Кидарские... Не смотрите на меня, что я смугла; ибо солнце опалило меня!..»

Подъем к церкви Св. Давида

А он поет это, как вчерашнюю любовную песенку, не подозревая, что ей две тысячи лет! – «Как это удивительно!». Сергей, задумавшись и улыбаясь, долго смотрит на друга. И еще о «Водах Лагидзе: Есенин пристрастился там к кизилловому соку. Ну как не вспомнить тут образ из заключительной строфы его стихотворения «На Кавказе»:

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизилловым струиться соком.

...Вот «голубороговцы» всю ночь кутят с Есениным, как и полагалось у тифлисцев, в Ортачала, да еще в знаменитом духане Чопурашвили. На рассвете, естественно, отправляются опохмеляться за тарелкой хаши. Есенин еще ни разу не пробовал это знаменитое блюдо, и Паоло

сильно нервничает – понравится ли оно дорогому гостю? Но приходят они рано, а хаши варится очень долго, и Яшвили так «заводится», что бросает в кипящий котел... кепку. Ко всеобщей радости, а особенно ликует Есенин. Чуть позже Тициан, засвидетельствует:

Пьяный Паоло варил на рассвете
Кепку свою в прокопченном
котле.

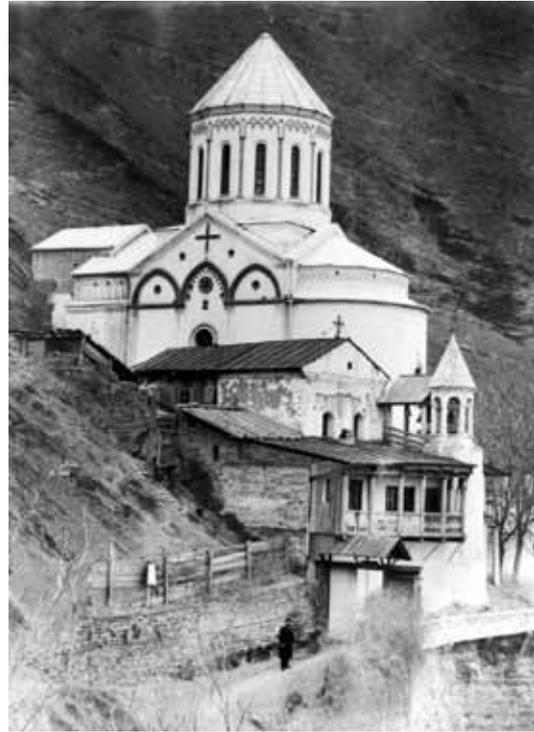
Правда, на самом деле кепка принадлежала Валериану Гаприндашвили, но это, как говорится, детали. Ну а Тициан вспоминал про кепку в стихотворении, написанном на смерть Есенина. Были там и такие строки:

Ночью мы были у Чопурашвили.
Вспомнив тебя, надрывался
орган.

Брату не скажешь о горестной
были,
О горечи незарубцованных ран...

...Вот с «голубороговцами» Сергей поднимается на склон горы Мтацминда. Там, у церкви Святого Давида – могила Александра Грибоедова. На крутой улице Есенин покупает несколько хризантем у старушки-торговки цветами, потом – остановка, чтобы отдышаться, у небольшого двухэтажного домика. Георгий Леонидзе показывает на домик: «Здесь будет литературный музей. Мы уже собираем материалы, рукописи, портреты, старые журналы». Сергей смеется: «Это только для начала можно. Если на второй этаж поднимутся человек двадцать, то музей ваш развалится... Музей должен быть в центре, чтобы мрамор

Могила А. Грибоедова

Церковь Св. Давида

мор кругом был, зал человек на триста... а в этих комнатухах даже стихи читать негде». «Все будет, дорогой Сергей, – отвечает Георгий. – Все будет: и мрамор, и твои стихи на грузинском языке. И Дворец поэзии будет».

Наконец, добираются до могилы Грибоедова. Став перед ней на колени, Сергей кладет к ее решетке несколько хризантем. И видит, как из соседнего источника люди берут камушки и несут их к церковной двери. «Это поверье, – объясняет Тициан Табидзе. – Камнем трут по

Сандро Шаншиашвили

сер Котэ Марджанишвили, в скором будущем – один из реформаторов грузинского и русского театра: «Какой художник! Богатырь! Я давно хотел сказать вам, может, стоит поработать и поставить на сцене вашего «Пугачева». Как Вы смотрите на это?». Есенин, уже севший за стол, отвечает: «Боюсь, что мой «Пугачев» будет для вашего театра не той пьесой... У меня это для чтения... Когда я писал «Пугачева», я думал не о театре». А в это же время в далекой Москве носит передачи арестованному отцу семилетний Юра Любимов. Через 43 года спектакль «Пугачев» по поэме Есенина он, единственным в мире, все-таки поставит – в реформаторском Театре на Таганке.

Интересно вспоминает о Есенине «голубороговец» Сандро Шаншиашвили: «Есенин горячо полюбил Грузию. Как-то раз он сказал: пре-

бывание у вас прибавляет мне силы и доставляет радость, а когда я бесеую с вами, мне кажется, что мы – сыновья одной матери... Тициану Сергей говорил: помоги мне найти участок на берегу Куры, и я построю дом... Мы завтракали и обедали часто вместе, собираясь иногда у Тициана или у Гоглы Леонидзе, у Паоло Яшвили или у Шалвы Апахидзе, а иногда у меня. Тамадой всегда выбирали Тициана, потому что он предлагал тосты, близкие литературе, вызывающие затем полемику на литературные темы».

И вот однажды чтобы раззадорить гостя, Паоло хвалит Сандро как хорошего борца, а этого достаточно, чтобы Есенин загорелся мыслью во что бы то ни стало помериться силами с Шаншиашвили. И вот что тот рассказывает:

«Я ничего не смыслил во французской борьбе, но в молодости преуспевал в вольной грузинской борьбе и меня называли «палаваном». Вышли мы с Есениным бороться. Он готовился применить приемы французской борьбы, а я, недолго думая, перекинул его через себя и плашмя опустил на землю. Вот было шуму и смеху! В особенности раскричался Тициан, повторяя: нет, нет, это не считается! Мне не засчитали победу и нас снова свели. В этот раз Есенин так взялся за меня, что чуть шею мне не свернул и положил на обе лопатки. Победу присудили Есенину и надо было видеть, как он по-детски радовался и смеялся, обнимая меня за плечи».

«ТЫ ВОСХИТИТЕЛЬНА, «ЗАРЯ ВОСТОКА»

Разговор о «Заре Востока» начнем со слов Георгия Леонидзе: «Как-то с особенной четкостью вспоминается Есенин на проспекте Рушавели со своей легкой походкой, всегда гладко выбритый, в опрятном сером костюме, с тростью в руке и в кепи. Через шею перекинут полосатый шарф. Так он шествовал по нашему любимому проспекту, особенно часто встречаясь с нами именно там. Одной из причин такого «завсегда-тайства» было и то, что именно на этом проспекте находились книжное издательство и редакция газеты «Заря Востока». Есенин носил туда

М. Лившиц (слева)

Книга Есенина, изданная в «Заре Востока»

свои стихи (ведь большинство его «болдинских» стихов публиковалось в «Заре Востока»), в Тбилиси же издал он книгу новых стихов «Страна советская». И наконец, «Заря Востока» была средоточием почти всех русских друзей Есенина в Тбилиси».

В этой газете Есенин появляется в первый же день своего приезда в Тифлис. Редактор Михаил Лившиц сразу чувствует к нему симпатию, фактически кормит поэта, выдавая ему не только гонорары, но и, по первому требованию, авансы и кредиты. Сергей становится своим человеком в редакции. «Все полюбили его за простоту, спокойную веселость и незлобивое остроумие», — утверждал журналист Николай

Вержбицкий, настолько сблизившийся с Есениным, что из дома Табидзе тот перебирается именно к нему, на Коджорскую улицу. Интересных воспоминаний о поэте у Вержбицкого немало. Вот пара из них:

«Войдя в наборный цех, он начал как-то странно поводить носом, и на лице у него появилась довольная улыбка. А взгляд любовно скользил по наборным кассам, по печатным станкам, по талеру, на котором уже заканчивалась верстка очередной полосы газеты. Вскоре я убедился, что Есенин довольно хорошо разбирается в типографском деле. Однако на мой вопрос – откуда у него такие знания – он ответил как-то невнятно. Только впоследствии я узнал, что в молодые годы Сергей работал в одной из больших московских типографий. Потом он еще много раз говорил, что запах типографской краски напоминает ему юность и какие-то очень приятные и интересные события».

«Есенин быстро сошелся со всеми рабочими, в особенности со старым метранпажем товарищем Хатисовым, которого ласково называл «папашей». Однажды наборщики и печатники типографии... на квартире у своего товарища устраивали вечеринку... и попросили, чтобы я привел с собой «Сирожу». Почти все рабочие были грузины и армяне. Поэт отлично чувствовал себя в этой компании, читал стихи, плясал лезгинку, подпевал «мравалжамиер»... Одного только не мог принять – некоторых чрезмерно острых для него кавказских кушаний домашне-

«Заре Востока» – о смерти поэта

го приготовления».

Когда в «Заре Востока» набирают его книгу «Страна советская», выпущенную в 1925 году тифлиским издательством «Советский Кавказ», на обложке – монограмма оформителя: KZ, Кирилл Зданевич, знаменитый грузинский художник. В том же году в Москве он создаст обложку еще одной книги Есенина – «Песнь о великом походе»... А когда поэта не стало, в траурном объявлении «Зари Востока» его называют «сотрудником и товарищем». Этой редакции Сергей посвящает довольно объемный экспромт, который начинается так:

Ирония! Вези меня! Вези!
Рязанским мужиком
прищуривая око,
Куда ни заверни – все сходятся
стеzi

Здание «Зари Востока», построенное на месте того, где бывал Есенин

В редакции «Зари Востока».

А потом – зарифмованный список тех, с кем часто общался Есенин. Там и Лившиц с добрыми глазами, и Кара-Мурза, вцепившийся в мокрые гранки, и торгующийся из-за строчек финансовый маэстро Лопатухин, и Вирап, с которого тысячу не содрать, Бен-Гали с неизлечимой дыркой в животе, и Вержбицкий, ставящий стихи под объявления, и Ахобадзе, и Карпов... Заканчивается экспромт так:

Дождусь ли дня и радостного
срока,
Поправятся ль мои печальные
дела?
Ты восхитительна, «Заря
Востока»,
Но «Западной» ты лучше бы
была.

НА КОДЖОРСКОЙ И «ПУШКИНУ ПРЕДАВАЛИСЬ»

Можно сказать, что стараниями Вержбицкого «Заря Востока» обеспечивает Есенина и жильем. Поэт, который жаловался в Москву: «Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать», селится подальше от шумных гостей и городской суеты. В квартире, которую снимает Вержбицкий, две комнаты и балкон. Поэт поселяется в небольшой комнате с письменным столом и таким большим сундуком, что на нем запросто можно спать. Во второй комнате – Вержбицкий с женой, «на балконе, по тифлисскому обычаю, готовили пищу, пользуясь жаровней-мангалом, ели, пили и беседовали». Тогда это место выглядело иначе, чем сейчас: под балконом – цветник и деревья алычи, с забора глициния переходит на стены дома.

Сюда часто приходит художник Илья Рыженко, делающий рисунки для «Зари Востока». Ему предстоит через четыре года переехать в Баку, возглавить там художественный техникум, быть награжденным медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А тогда, в 1924-м, он увлекает Есенина рассказами о гражданской войне и деревенской

Дом, в котором останавливался С. Есенин

жизни языком «сочным, выпуклым, многоцветным и живым». Поэт восхищается тем, как Рыженко рисует природу, и подолгу читает при нем свои стихи. Однажды он слышит в ответ: «Твои стихи тем и хороши, что их нужно медленно прихлебывать, как хорошее вино из хрустального бокала!»

Живя на Коджорской улице, Есенин знакомится и с Вениамином Поповым, проехавшим Среднюю Азию, бывшим завсегдаем библиотеки, художественных мастерских и картинных галерей Европы. После Первой мировой войны он оседает в Тифлисе, занимается журналистикой, а в творческих кругах он, по словам Вержбицкого, «арбитер элгантиарум», дословно – арбитр изящного, по-современному – искусствовед. В его комнате на Хлебной площади собраны книги, каждая из которых «была шедевром и по содержанию, и по внешнему оформ-

лению». Одна из них – «Персидские лирики X-XV веков» в переводе знаменитого академика Федора Корша – попадает в руки Сергея.

Так Есенин знакомится со строфами Саади, Хайяма, Руми и потом привязывается к ним настолько, что в его творчестве появляются восточные образы. А Попов рассказывает

Николай Вержбицкий

и рассказывает о Персии, о других странах Востока. Еще он, не стесняясь, критикует Сергея за то, он, «живя среди красочной природы Кавказа, словно не подпускает к себе ничего, кроме «левитановских лужков и бережков». А когда тот читает свое первое стихотворение будущего цикла «Персидские мотивы» – «Я спросил сегодня у менялы...», Попов так же без экивоков предупреждает: «...Вы, конечно, и еще захотите писать про «персидское», но каждый раз (я готов голову отдать на отсечение) вы будете сворачивать на Рязань!». И, в общем-то, не очень ошибается.

Кроме того, Есенин, Попов и Вержбицкий «предают» Пушкину». Так называются моменты, о которых Вержбицкий рассказывает: «Иногда, оставаясь дома и забывая обо

всем на свете, мы бросали на пол широкий войлок, подушки, ставили на низенький столик блюдо с прямой кавказской зеленью и острым овечьим сыром, нарезанным тончайшими ломтиками, раскупоривали бутылку светлого гурджаанского вина». В столь располагающей к рассуждениям обстановке они читают пушкинские стихи, Попов делает это блестяще, а Есенин проводит аналогии с современностью. Эта – о стихотворении «Дар напрасный»: «Вот небось не говорят про эту вещь: «упадочное»! А у нас, как чуть где тоскливая нотка, сейчас же начинают кричать: «упадочный», «припадочный!»»

А еще у Есенина появляется друг, весьма далекий от художественных изысков. На Коджорском шоссе к нему с Вержбицким подходит мальчик лет двенадцати и сообщает, что жена Николая, уезжая отдыхать на Черное море, поручила ему помочь мужу по хозяйству. Выясняется, что мальчугана зовут Ашот, он – сын сапожника и по дому умеет делать «все»: «Приготовить обед... вымыть пол... отнести белье прачке... налить керосин в лампу... купить что надо в лавочке... А еще... а еще могу петь!». «Петь? Так это же самое главное!», – радуется Есенин. Так завязывается их дружба.

Правда, из обещанной помощи Ашот ограничивается покупками в лавке, «неукоснительно присваивая при этом сдачу». Но Есенин утверждает, что лучшего товарища ему не нужно и что он «первый раз видит такого неутомимого певуна, вечно

Илья Рыженко

занятого каким-нибудь делом – то мастерит свистульку из катушки для ниток, то клеит змея, то из старого ножа делает кинжал». А во время прогулок по городу Ашот незаменим: как и любой тифлисский мальчишка, он свободно говорит на трех языках и становится переводчиком, когда Есенин на прогулках начинает разговоры с прохожими. Длится все это полмесяца. Потом возвращается жена Вержбицкого, но Ашот остается: у него большая семья, и на Коджорской, 15 его кладут спать на балконе.

Вслед за Ашотом в дом N15 тянутся и другие мальчишки с Коджорской улицы – «шумные, предприимчивые и веселые дети веселого Тифлиса». Как и все дети на свете, они хотят развлечений и получают их сполна. Есенин поет только что сочиненные для них частушки, Рыженко

рисует им смешные картинки, Попов рассказывает интереснейшие истории про древние города. Ну а Вержбицкий угощает орехами, жареными каштанами, сушеной туюй.

«По всему было видно, что Есенину нравится наша семейная обстановка. Он охотно брался за разные домашние дела: сидел около жаровни и смотрел, чтобы не убежало молоко, чистил картошку, – делится Вержбицкий. – Последнее занятие он любил больше всего и, наверное, шутя, говорил, что в те минуты, когда в ведро сбегает тонкая стружка кожуры, ему в голову приходят самые лучшие строчки». Ну и, конечно, как в доме Тициана, он счастлив, когда ему предлагают исконно русскую пищу: деревенские щи с ржаным хлебом, горячий картофель «в мундире», квас с куском домашнего пирога...

«Белый духан». Н. Пиросмани. Начало XX века

«ПЕВУЧЕЕ И ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ТИФЛИСА»

Естественно, с Коджорской «ответственный квартиросъемщик» и его жилец отправляются не только в «Зарю Востока» или на элегическую прогулку по Тифлису. Во время одного из лихих развлечений, на которые столь горазд Есенин, они несутся на фаэтоне не вниз, в город, а в гору, по Коджорскому шоссе. Извозчик — из тех лихачей, «быструю и шумную езду, с гиком и посвистом» которых

так любит Есенин. Доезжают они до знаменитого «Белого духана», колоритное описание которого Вержбицким стоит привести дословно:

«...У входа на старом покосившемся столбе висит фонарь. К фонарю привязан железнодорожный колокол, в который бьют, когда подъезжает кутящая компания. Над дверью голубая вывеска: «Д А Р Ъ Я Л» ВИНО, ЗАКУСКИ И РАЗНЫЙ ГОРЯЧИЙ ПИЩ». Прислонившись к фонарю, стоит пожилой шарманщик. У него заломленная на затылок синяя фуражка блином, белый платок на шее, синяя залатанная чоха чуть не до пят, под ней красный архалук. Широчайшие штаны забраны в пестрые шерстяные носки. На ногах крючконосые чусты из мягкой кожи.

Шарманщик

Завидев наш фаэтон, шарманщик начинает быстро крутить ручку своего гнусавого инструмента. Мы узнаем мелодию «Сама садик я садила...»

После того, как «известное количество вина было выпито, а шашлык съеден», Есенин просит хозяина перенести их столик... на середину шоссе: «Здесь мы будем хозяевами не только одного столика в духане, а всего мира!.. Здесь каждый в гости будет к нам, и запируем на просторе!» Мимо них идут крестьяне из соседних сел, проезжают повозки, везущие в город уголь, хворост, глиняные банки с мацони, сыр... И каждого Сергей жестом приглашает к столику, выпить стакан вина. «При этом у него было такое открытое и доброжелательное выражение лица, что трудно было отказаться».

Крестьяне и не отказываются,

поднимают тосты, которые переводит духанщик. Они приводят русско-го гостя в восторг: «Пусть у тебя в жизни будет столько же счастливых дорог, сколько звезд на небе... Будь чистым, светлым и прозрачным, как вода в роднике... Пусть твой враг будет такой же пустой, как эта чара... Будь таким же правдивым и правильным в своей жизни, как правая рука, которую протягивают в знак дружбы и которой наносят удар врагу...» Сергей просит спутника записывать эти тосты, пытается сам сказать нечто подобное, но у него ничего не выходит.

«Почему? Ведь я же поэт», —

Иетим Гурджи

сердится он на себя. И Вержбицкий объясняет, что тосты в Грузии – традиционные, «в них каждое слово, каждый образ отшлифован многовековой практикой». И мгновенно создать нечто подобное очень трудно. К этому Вержбицкий добавляет: «А то, что мы ни с того ни с сего расселись среди дороги и угощаем вином каждого проходящего, может казаться крестьянам странным, потому что они привыкли к выпивке относиться, прежде всего, как к обряду, и каждый свой обряд сопровождают вином. Ты тоже придумал необхо-

димый тебе сейчас обряд – обряд дружбы». И поэт отказывается от своей затеи, решив перебраться с шоссе в духан.

А это – уже совсем другое застолье: без шума и суеты, недолгое, можно сказать, не для живота, а для души. Обитатели Коджорской улицы спускаются в очередной духан, но Сергей невесел, он уже устал от громких пиров. И Вержбицкий говорит оказавшемуся в этом подвальчике другу, журналисту Шахро Бусурашвили, который прекрасно знает город: «Есенин подавлен обилием резких звуков. Ему начинает казаться, что Тифлис умеет только кричать. Скажи, где можно послушать тихую и мудрую песню?» В ответ: «Идемте, я покажу вам певучее и доброе сердце Тифлиса». И они отправляются берегом Куры к совсем не примечательному дому.

Обстановка полутемного помещения, мягко говоря, небогата: здесь живет подлинно народный поэт Иетим Гурджи, ставший символом Тифлиса. Стена расписана большим портретом Руставели, под ним – два больших букета крупных белых цветов в глиняных кувшинах. Хозяин дома – «среднего роста пожилой мужчина с седоватой бородкой, его карие глаза смотрели спокойно, умно и благожелательно». Он раскланивается с гостями и, подыгрывая себе на чонгури, продолжает петь для трех юношей, повторяющих его слова. Здесь с голоса записывают стихи и мелодии Иетима, которые расходятся по всей Грузии.

Кончив петь, старик узнает, что

Тифлис 1920-х годов

среди гостей – известный русский поэт, и наливает всем из большого глиняного кувшина: «Встреча двух поэтов – это встреча стали с кремнем. Она рождает свет и тепло!.. Я плохо знаю русский язык, но язык поэзии один повсюду. Прошу моего брата прочесть что-нибудь!» Есенин долго молчит, а потом запекает «Есть одна хорошая песня у со-

ловушки». Иетим слушает, опустив голову, а потом ногой распахивает дверь в ночной город: «Не надо печали! Посмотрите, как хорошо на свете!» И перед всеми открывается панорама вечернего города, над ним – множество звезд, о которых можно подумать, что это – «отражение огоньков, вспыхнувших внизу».

СТРОКИ, НАВЕЯННЫЕ ТИФЛИСОМ

Перед расставанием Иетим говорит Сергею: «Всякая песня годится, лишь бы она шла от души!.. – Царь Давид хвастался, что его песни больше всего нравятся богу. А бог посмотрел сверху, покачал головой и говорит: «Ишь ты, расхвастался!.. Каждая лягушка в болоте поет не хуже тебя! Посмотри, как, она от всей души старается, хочет мне угодить!» И тогда царю Давиду стало стыдно». В августе 1925 года в есенинском стихотворении «Быть поэтом – это значит тоже...» звучит отголосок слов тифлисского народного поэта:

Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Это – еще один пример того, как навеянное Тифлисом отражается в есенинской поэзии. Вспомним, как кизилковый сок с проспекта Ру斯塔вели «перелился» в стихотворение «На Кавказе». А Вержбицкий утверждает, что и это не все. Он вспоминает, как в Тифлисе в сентябре 1924-го проходит многочисленная демонстрация, посвященная Международному юношескому дню. Есенин с Вержбицким – на ступенях Дома правительства (бывшего Дворца наместника, сейчас – Дворца учащейся молодежи). Перед ними – «шеренга за шеренгой, загорелые, мускулистые ребята в трусиках и майках... физкультурники с красными знаменами печатали шаг по брусчатке мостовой». И Вержбицкий

Бывший Дом правительства

говорит другу: «Эх, Сережа, если бы и нам с тобой задрать штаны и прошагать вместе с этими ребятами!» Есенин вздрагивает и внимательно смотрит ему в глаза. Через полтора месяца в «Заре Востока» появляется стихотворение «Русь уходящая», в нем – слова: «Знать, оттого так хочется и мне, /Здрав штаны, Бежать за комсомолом». И поэт спрашивает: «Вспоминаешь?»

Ох, как хочется, чтобы и в доме Иетима Гурджи, и на ступенях Дома правительства все происходило именно так. Ведь с легкой руки Вержбицкого распространились сведения и о том, как Владимир Маяковский и Сергей Есенин, которых связывали весьма непростые отношения, встречаются в Тифлисе. Причем Есенин, первым отправившийся к литературному сопернику, встречен крепким рукопожатием, «с большим и вполне искренним дружелюбием». Они обсуждают свои заграничные поездки, и Маяковский откровенничает до того, что жалуется на испорченный душ.

В ответ он получает приглашение отправиться в знаменитые серные бани. «Ну, как же это я – грузин, а вдруг забыл такую самоочевидную вещь?! – кричит Владимир Владимирович. – Конечно, сейчас же, сейчас же на фаэтон и – к Орбелиани!» Что и было сделано к обоюдному удовольствию, хотя Есенин не может и не съязвить Маяковскому. Сперва вспоминает стихотворение «Юбилейное», в котором тот сравнил его с «коровою в перчатках лаечных» и обозвал «балалаечником». Потом

Я человек не новый!
Что скривить?
Остался в чужбине я одной ногою.
Стремился дожить старлею жить
Скороху и жизнь грубую.

Но ведь иные люди
Ты
Еще не стареешь и забываешь
Они как стрелы в роще
Средь непокаянья или событий.

Я знаю их,
и дождутся
Ты же не забывай Маяковича
Средь чужбинею людных улиц
Как чужд Талейникова кровью

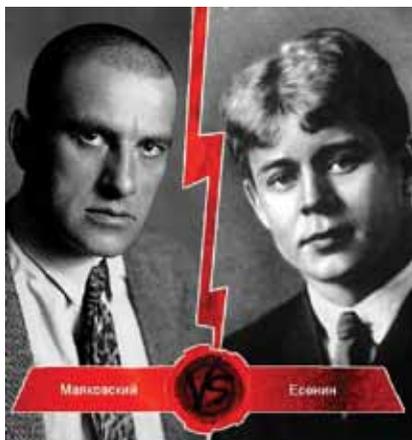
Кто бросил камень в этот колодезь?
Не прочтете!
Будет Зинах сырага
они в самих себе уярут,
Истинеюй ладно лирикация.

Рукопись поэмы «Русь уходящая»

читал свое, совсем свежее:

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Маяковский, никому не дающий спуска в подобных ситуациях, мило улыбнувшись, признает: «Квиты!» Однако и это еще не все. Вержбицкий утверждает, что Есенин продолжил: «...Что подделаешь, я действительно только на букву Е. Судьба! Никуда не денешься из алфавита! Зато вам, Маяковский, удивительно посчастливилось – всего две буквы отделяют вас от Пушкина...» Выдержал паузу и строго до-

бавил, предупреждающе помахав пальцем: «Только две буквы! Но зато какие – НО!» После этого Маяковский... вскочил и расцеловал Есенина. А еще они вместе путешествуют по городу, беседуют о художнике Нико Пиросмани...

Ничего не скажешь, красивые истории. Жаль только, что их никогда не было. Это подтверждают Симон Чиковани, жена Тициана, Нина Табидзе, Николай Тихонов, бывший в то время в Тифлисе, да и многие другие. Маяковский уехал 6 сентября, и провожали его около десятка человек. Есенин же приехал через три дня после этого. Да и беседовать о Пиросмани они никак не могли – с картинами гениального художника-самоучки Маяковский познакомился лишь спустя два года, в следующий приезд, у Кирилла Зданевича... Как известно, человеческая память способна вытворять злые шутки, так что будем считать: за четыре десятилетия она просто подвела гостеприимного журналиста.

НЕ ВСЕГДА «ПО ПЛАТЬЮ ВСТРЕЧАЮТ»

Любимую «Зарю Востока» Есенин читает от корки до корки и однажды видит там заметку, по следам которой решает отправиться. Речь идет о том, что на Авлабаре открылся коллектор для беспризорных, откуда их будут направлять в детские дома и колонии. Сейчас коллектором называют того, кто собирает долги. Но, вообще-то, коллектор – это «объект или пространство, что-то собирающие». А в этом случае – место сбора задержанных беспризорников, позже названное приемником-распределителем. Туда-то и отправляется Есенин в сопровождении Вержбицкого.

Одет он щегольски: «ярко начищенные желтые туфли, новая серая шляпа, хороший, только что отглаженный серый костюм», в верхнем

Беспризорники

кармане которого – цветной лоскут. «Смотри, как бы пацаны не встретили тебя свистом и камнями. Ведь они могут принять тебя за барина, за буржуя!», – предупреждает журналист. «Не беспокойся! Не всегда так бывает, что «по платью встречают», – отвечает поэт, делая аккуратный пробор посередине головы... В неудобном и довольно грязном помещении – около пятидесяти мальчишек от 6 до 15 лет, задержанных в пустых товарных вагонах, на железнодорожных путях, в пещерах, вырытых по берегу реки, прямо на улицах.

Есенин сразу направляется к нарам, на которых лежат и сидят полураздетые, в угольной пыли, завшивевшие «пацаны». Повелительные движения рукой – и ему освобождают место на нарах, относят его шляпу на подоконник, а он принимает

обычную для беспризорника позу, «одновременно развязную и напряженную». В товарищеском тоне поэт рассказывает, что сам беспризорничал, но нашел в себе силы, перестал бродяжничать, обучился грамоте, отыскал работу и теперь пишет стихи, за которые неплохо платят.

В его речи – босяцкие жаргон, жесты и интонации, которые выглядят вполне естественно. А после полностью выдуманного рассказа он угощает ребят дорогими папиросами. И все это действует: с ним откровенничают обо всех деталях беспризорной жизни. «А ты какие стихи пишешь? – спрашивают его. – Про любовь?» «И про любовь, – отвечает он, – и про геройские дела. Разные...». Встреча длится час, и за это время – ни одного грубого выпада. Есенину поют любимую песню беспризорников «Позабыт, позаброшен...», провожают всей оравой, кричат вслед: «Приходите еще!»

А на обратном пути, заикаясь и размахивая руками, Сергей говорит, что «невозможно дальше спокойно наблюдать, как у всех на глазах гибнут, может быть, будущие Ломоносовы, Пушкины, Менделеевы, Репины». И, забыв о своей религиозности, предлагает очистить от монахов все монастыри, чтобы поселить там беспризорных. И первый из таких монастырей – Новоафонский в Абхазии.

С этими мыслями он отправляется не к кому-нибудь, а к самому Михе Цхакая – председателю Президиума Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) Грузинской

Миха Цхакая

ССР, члену Президиума ЦИК СССР и Исполкома Коминтерна. Обладатель всех этих титулов успокаивает взволнованного поэта: правительство уже нашло для беспризорных хорошие помещения, там в ближайшем будущем должны организовать трудовые колонии, а в Новом Афоне, освобожденном от монахов, «будут созданы отличная здравница и совхоз». И через три дня в «Заре Востока» появляются такие строки:

...Я только им пою,
 Ночующим в котлах,
 Пою для них,
 Кто спит порой в сортире,
 О, пусть они
 Хотя б прочтут в стихах,
 Что есть за них
 Обиженные в мире.

Так рождается есенинская «Русь бесприютная».

К БАРЬЕРУ!

А в этой истории Сергей и его тифлиские друзья словно избирают лозунгом строку из есенинского стиха: «Я такой же, как ты, хулиган». Рассказчик – соучастник действия, секретарь Тифлисской ассоциации пролетарских писателей (ТАПП) Николай Стор (Сторженко). Все начинается в доме молодого литератора Петра Павленко. Тогда он пишет в газеты «Заря Востока» и «Красный воин», а с годами станет лауреатом четырех Сталинских премий первой степени (!) и верноподданным «классиком» советской литературы. Его жена – большая «шишка» в Закавказском краевом комитете партии. Павленко хочет показать Есенину свои короткие рассказы и приглашает вместе с ним на ужин «целую плеяду грузинских поэтов».

Петр Павленко

Сергей и Айседора Дункан

Ужин великолепен. Но Есенин не хочет выступать в роли рецензента: «Появление литературного произведения равносильно появлению на свет ребенка. Вмешательство посторонних нетерпимо». Чтобы разрядить обстановку, Паоло Яшвили, переводит разговор на Америку и напоминает Сергею, что за полтора года пребывания там он не написал ни строчки. «Я подчинился просьбе Айседоры Дункан, поехал сопровождать ее на гастролях. Луначарский разрешил мне лететь с нею», — отвечает Есенин.

И тут хмель развязывает язык Вержбицкому: «Чепуху говоришь. Она не Дункан, а капкан. Она тебя заарканила». Все уже хорошо «под градусом», и Есенин вспышивает: «Не смей так говорить про нее. По культуре она выше тебя. Она меня с Ронсаром познакомила». И называет еще с десятков французских, английских, и американских писателей, о которых узнал от Айседоры.

Но оппонент не унимается: «Все равно, она — капкан!» И Сергей бросает в него бутылку. Та вылетает на улицу, перепуганная хозяйка квартиры, она же — ответственный парработник спешно выпроваживает всех на улицу.

Догуливать теплая компания отправляется в «Химериони», и там Есенин заявляет другу Коле: «Сукин ты сын, я тебя вызываю на дуэль»... Стор, как и многие комсомольцы той поры, ходит с пистолетом. И в качестве секунданта отдает его дуэлянтам. О втором пистолете никто не задумывается, но тем не менее компания отправляется к месту дуэли. На Коджорское шоссе. Все серьезно: стать хотят у обрыва, чтобы раненый разбился насмерть. Извозчики, услышав о цели поездки, удирают сразу, по приезде на место. А потом налетают всадники, конная милиция — Паоло сообщил о предстоящей дуэли.

Пистолет милиционеры отбирают, пешком ведут всех в город и докладывают дежурному чекисту: «Вот, хулиганы хотели тут устроить еще одну дуэль, чтобы подумали, что на грузинской земле погиб русский поэт». И дежурный по фамилии Григориани, в силу своего интеллекта, невольно превращает происходящее в комедию. «Ты кто такой?» — спрашивает он Есенина. «Я поэт — Не понимаю... Где ты работаешь? — Я не работаю. — Как не работаешь? При советской власти все работают. Почему ты не работаешь? — Я стихи пишу. — Хорошо. Почитай какие-нибудь стихи свои, ты, хулиган».

Батум. Первая четверть XX века

Всадники конной милиции

Сергей читает посвященное матери стихотворение «Разбуди меня завтра рано...». Строки «И на песни мои прольется/ Молоко твоих рыжих коров» действуют на дежурного, как красная тряпка на быка: «Ну, конечно, ты хулиган. Мать работает, корову доит, ты приходишь, молоко проливаешь»... Потом наступает очередь художника Константина Соколова: «Я твои искусства уже вижу. Где работаешь? – В ленинградских театрах. – А зарплату где тебе платят? – Мне зарплату не платят. Я по договорам работаю... – Какой ты художник! Аферист!»...

Соколов на листке календаря рисует шарж и протягивает Григориани: «Получите ваш портрет». Тот в ужасе: «Что ты со мной сделал? Если моя жена увидит, она сразу меня бросит...». А потом и Вержбицкий заявляет, что он – поэт. «Тоже стихи пишешь? Ну, почитай, я посмотрю, кому ты молоко проливаешь...» И Вержбицкий, который в тот вечер, как говорится, в хорошей форме,

ничтоже сумняшеся декламирует... пушкинского «Утопленника»:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца...»

Григориани хватается за голову: «Какая тятя – тятя? Тятя! Ты уже выпил, не знаешь где тятя, а где тятя. Уходите все отсюда, и чтоб никакой дуэли больше не было!» Добрая тогда была милиция... «Мы ушли, – вспоминает Стор. – Занимался рассвет. В Тбилиси тогда были хорошие порядки – духаны открывались в шесть утра. Зашли, взяли бутылочку, помидоры, огурцы – все, как полагается... Вот в такой дуэли я был секундantom. Есенин наутро подарил мне книгу свою «Преображение» с надписью: «Н.П.Стору. На память о Тифлисе, всадниках и прочем. Сергей Есенин. 18/X-24».

А ведь Есенин вызывал на дуэль и Георгия Леонидзе, немало изумив его. Правда, о смертельном исходе и речи нет. В официальной форме просил назвать секундantom, назначив время и место поединка в 6 утра на все том же Коджорском шоссе, он объясняет все «очень просто»: «Не волнуйся, будем стреляться холостыми, а на другой день газеты напечатают, что дрались Есенин и Леонидзе, понимаешь? Неужели это тебя не соблазняет?» Позднее он с таким же предложением обратился к Сандро Шаншиашвили... Сейчас это назвали бы пиаром или промоушеном...

«ПОВИДАТЬ «НАСТОЯЩИЙ ВОСТОК»»

Однако не надо забывать: для Есенина притягательная сила Южного Кавказа еще и в том, что оттуда рукой подать до Персии. А мечта об этой стране не оставляет поэта ни в Тифлисе, ни в Баку, куда он выезжает ненадолго – с 20 сентября до 9 октября. А потом в Москву уходит его письмо: «Сижу в Тифлисе. Отсюда поеду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась... Работается здесь дьявольски хорошо. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой шумной, крикливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия». При этом он не сомневается – не-

Центр Батума 1920-х годов

На батумском бульваре с друзьями

пременно доберется до Персии.

«Из Батума получил приглашение от Повицкого. После Персии заеду... Из Персии напишу подробней», – сообщает он 17 октября москвичке Галине Бениславской, в отношении с которой подчеркивает только крепкую дружбу, хотя она беззаветно влюблена в него. Через пять дней, ей же: «Несколько времени проживу в Тегеране. А потом поеду в Батум или в Баку». Но по-

На зимнем пляже. В центре – Есенин

пасть в «землю обетованную» снова не удастся, и Сергей уезжает в Батум. Туда его зовет московский друг Лев Повицкий, начавший работать фельетонистом в газете «Трудовой Батум».

К тому же, если не получается поехать в Персию, то попасть бы хоть в Турцию – тоже восток, тоже экзотика. И делать это лучше всего из Батума. А тут еще друг Коля Вержбицкий обещает использовать свои связи, чтобы отправить Сергея в Турцию в статусе журналиста: «Поэт настойчиво просил меня достать документы на право поездки в Константинополь. Кто-то ему сказал, что такое разрешение, заменяющее заграничный паспорт, уже выдавалось некоторым журналистам. А свое намерение съездить в Турцию Есенин объяснял сильным желанием повидать «настоящий Восток». Один из членов Закавказского правительства, большой поклонник Есе-

нина, дал письмо к начальнику Батумского порта с просьбой посадить нас на какой-нибудь торговый советский пароход в качестве матросов с маршрутом: Батум-Константинополь-Батум».

И вот 6 декабря поэт приезжает в аджарскую столицу. С ним – художник Соколов и, конечно, Вержбицкий, практически не отстающий от Сергея, а теперь еще и хлопочущий о выезде в Турцию. В тифлисском духане они провожали Есенина в Батум и за столь увлекательным делом опоздали к поезду. На следующий день уезжают уже все вместе – как признается Есенин, «по пьяному делу». Только успевают разместиться в гостинице «Ной», как у Сергея поднимается температура. По натуре довольно мнительный, он близок к панике, даже думает, что у него цинга. Но врач, спешно приглашенный друзьями, констатирует лишь ангина. А потом Повицкий приносит

ему «лучшее лекарство» – свою статью «Сергей Есенин: К приезду в Батум». И в ней полно милых сердцу поэта эпитетов, подобных этим:

«Глубокая образность, сочность и крепость слова, мастерское владение изощренной формой слова, с одной стороны, черты социальной утопии и поток тончайшего лиризма – с другой, выдвинули Есенина на одно из первых мест в рядах современных художников слова». Вечером, по словам Вержбицкого, «Есенин как ни в чем не бывало встал с постели и заявил о своем желании есть». И они вместе с Повицким пьют чай с медом. А через четыре дня после хвалебной статьи в «Трудовом Батуме» появляется и ответ другу – стихотворение «Льву Повицкому». Есть в нем такие строки:

Перебесились мы,
Чего скрывать?
Уж я не я...
А ты ли это, ты ли?
По берегам
Морская гладь –
Как лошадь
Загнанная, в мыле.

А в причине своей болезни поэт разбирается попозже, это – загул, о котором он сообщает Бениславской: «В Тифлисе мы ездили в Коджоры. Пальто вы мое знаете, а в горах зверский холод. В духане мы выпили, развеселились, и я сел на автомобиль верхом около передних колес. 18 верст ехал так, играл на гитаре и пел песни. Потом оказалось, я себе напел. Только благодаря дья-

вольскому организму избежал воспаления легких».

Время в Батуме течет прекрасно. Днем – прогулки без пальто и шляп у моря, в аромате цветов, который повсюду – на бульваре и в парках, на улицах и базарах. «Здесь солнышко. Ах, какое солнышко! – пишет Сергей 14 декабря в Москву. – В Рязанской губернии оно теперь похоже на прогнившую тыкву, и потому меня туда абсолютно не тянет». А вечерами, по словам Повицкого, еще и отголоски «шумной жизни вечно праздничного Тифлиса, привезенные «проводящими» Вержбицким и Соколовым». Попросту говоря, кутежи: «Конечно, приезд Есенина в Батум вызвал всеобщее внимание. Его останавливали на улице, знакомились, приглашали в ресторан. Как всегда и везде, и здесь сказалась теневая сторона его популярности. Он по целым дням был окружен компанией веселых собутыльников».

Открытие мемориальной доски на доме, где жил Повицкий

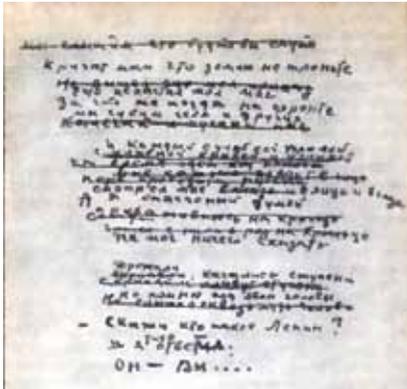
«ЖИВИ ПОЖАЛУЙСТА, ПИШИ СТИХИ»

Тем временем выясняется, что поездка в Турцию тоже не состоится. «Блат» Вержбицкого не сработал, и Сергей жалуется в письме Бениславской: «Я боюсь, что это что-то вроде шуток Мефистофеля. Вержбицкий и Костя уехали обратно». Но надежда, как известно, умирает последней: «До весны я могу и не приехать. Меня тянут в Сухум, Эривань, Траpezунд и Тегеран, потом опять в Баку». Откуда в этом, уже привыч-

ном для мечтаний поэта списке городов появляется Эривань, то бишь Ереван? Понять это поможет весьма показательный эпизод при выезде Есенина из гостиницы «Ной». Он перебирается к Повицкому, который живет «недалеко от моря, в небольшом домике, окруженном зеленью и фруктовым садом».

«Ему понравился покой и неприхотливый уют моего жилища, и он пожертвовал ради него удобствами комфортабельного номера в гостинице, — пишет Лев Осипович. — Он вынес свои чемоданы из номера, и мы собрались уже выйти, как вдруг на нас с громкой руганью накинулся заведующий гостиницей». Оказывается, Сергей «всего-навсего» не оплатил номер, разговор идет на повышенных тонах: «Деньги я получу

Рукопись поэмы «Анна Снегина»

через два-три дня, тогда и заплачу! – Ничего не знаю! Плати деньги! – Я – Есенин! Понимаешь или нет? Я сказал – заплачу, значит, заплачу. – Не пущу чемоданы, заплати деньги»... Имя Есенина этому человеку ничего не говорит. Перебранку прерывает жилец соседнего номера. Он оплачивает долг Сергея, а когда тот благодарит и спрашивает, куда перевести деньги, отвечает: «Мне денег не нужно. Я – редактор армянской газеты в Ереване. Пришлите нам в адрес газеты стихотворение, и мы будем в расчете».

Поселив у себя друга, Лев решает «ввести в какое-нибудь нормальное русло дневное времяпрепровождение Есенина». И предлагает, уходя на работу, запирает друга на ключ: «Он не может выйти из дома, и к нему никто не может войти. В три часа дня я прихожу домой, отпираю комнату, и мы идем с ним обедать. После обеда он волен делать что угодно. Он одобрил этот распорядок и с удовлетворением сообщил о нем

Галине Бениславской в письме от 17 декабря: «Работается и пишется мне дьявольски хорошо... Лева запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать». А через три дня – о времени, когда ему не мешают работать: «Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра. Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия... Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни очень редко».

И еще одно письмо о «тихой жизни» человека, подставшего от шумных компаний: «Я один. Вот и пишу, и пишу. Вечерами слевой ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай, и мы вдвоем с ним выпиваем только 2 бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная. За стеной кто-то грустно насилует рояль, да Мишка лезет целоваться. Это собака Левина». Собаку эту он любил, брал ее с собой и даже перенес на руках по мосту, который оказался ей ненадежным: «Рукам Есенина она смело доверялась. А вот еще о «благоприятном» времяпрепровождении у Повицкого:

«В саду при нашем домике были и мандарины, и бананы. Есенин смотрел на всю эту экзотику с умилением и сообщал Галине, как мы поглощали мандарины: «Мы слевой едим их прямо в саду с деревьев. Уже декабрь, а мы рвали вчера ма-

В очередном кабаке

лину. Должен признаться, по ночам, когда хозяйка домика уходила на покой, мы потихоньку пробирались в сад. Хозяйка, по-видимому, вела счет своим мандаринам и утром поглядывала на нас с укоризной». Так, сидя взаперти и ведя размеренную жизнь, Сергей пишет поэму «Анна Снегина». А потом... Повицкий с горечью признает: «К несчастью, вскоре после того, как была закончена «Анна Снегина», установленный нами распорядок дня был нарушен и затем окончательно сломан».

Увы, и в провинциальном черноморском городе Есенин оправдывает слова собственного стихотворения: «Прокатилась дурная слава, что похабник я и скандалист». Уже после его смерти один из батумских собутыльников рассказывал Э. Гер-

ману, ставшему спустя годы знаменитым юмористом и сатириком Эмилем Кротким, о том, как «гулял» Сергей: «Мы, грузины, поэтов уважаем. Живи, пожалуйста, пиши стихи. Но ведь он сам в драку лез! Одного ударил – смолчали: Бог с тобой, думаем, ты поэт; другого ударил – смолчали. Так ведь он стал после этого всех бить! Мы его, конечно, побили. А поэтов мы уважаем. Пиши стихи – пожалуйста». Даже на музыкальный вечер в доме сестер Чачуа, где собирается «батумский бомонд», Есенин является весьма подшофе, с припасенной бутылкой, за что и был выставлен на улицу. А в одном из его писем московским друзьям откровенно так и написано: «едем мы после кутежа...»

«ДА, У ТЕБЯ ГУБА НЕ ДУРА»

О батумских женщинах рядом с Есениным – отдельный разговор. Помните строки из письма в Москву: «Я один. Вот и пишу, и пишу»? Этот образ одинокого поэта потом развивается: «Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожая отъезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре. Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь! Да какой еще, известный. Все это смешно и глупо». Ох, скрытничает Сергей Александрович, какой же Есенин без женщин? Приударить за ними, в том числе на грани эпатажа – милое дело!

Батумский бульвар

...Батумский бульвар, гуляющих полно, Есенин, мягко говоря, навеселе. Увидев на скамейке двух молодых женщин, он сует деньги мальчишке-чистильщику обуви, забирает его ящик и опускается на одно колено: «Разрешите мне, сударыни, почистить вам туфли!» Те узнают его, смущаются, отказываются, вокруг собирается толпа любопытствующих. Слух о происходящем достигает другого конца бульвара (тогда не столь длинного, как ныне), где находится Повицкий, тут же поспевающий на место скандала.

Увидев нетрезвого друга на коленях, посреди зевак, Лев Осипович понимает: уговоры, просьбы, мяг-

Эмблема «Стандарт Ойл»

кий тон не помогут. И он решается на крайнюю меру: громогласно заявляет Есенину: «Сергей Александрович, последний футуристический не позволит себе того, что вы сейчас делаете!» А для Сергея ничего хуже сравнения с футуристами. Он молча встает, оставляет ящик, не оглядываясь, уходит с бульвара. И потом два дня не разговаривает со Львом. А когда они мирятся, «сокрушенно, с глубоким укором» говорит: «Как ты мог меня так оскорбить!»

С футуристами он не церемонился. Как-то в Батумском театре организуют литературный суд над ними, Есенин должен выступить на нем обвинителем. «Подсудимые» выглядят неплохо, звучат хорошие стихи Маяковского, правда, рабочие в зале говорят, что Пушкин им ближе. Есенин появляется, когда его и ждать перестают. Он молча вытаскивает из-за пазухи маленькую собачонку, ставит ее перед футуристами, и она несколько раз тявкает прямо на «подсудимых». Сергей подхватывает ее, занавес спешно закрывается, в зале в публике – смех и аплодисменты...

Вот такое «обвинение».

С другими дамами, к которым «подъезжает» поэт, нет никаких конфузов. Послушаем Анну, одну из сестер Чачуа, не путивших пьяного Сергея с бутылкой к батумскому «бомонду». После смерти поэта она вышла замуж за юриста Лаппа-Старженецкого и под этой фамилией писала о Есенине. В том числе и это:

«На углу улиц Бульварной и Воскресенской стоял трехэтажный дом княгини Тамары Михайловны Накашидзе. В нижнем этаже этого дома разместилось представительство англо-американской фирмы «Стандарт ойл». В те годы в Грузию, особенно в Батум, стекалось множество беженцев из России, женщин из богатых семей... Большинство женщин, не привычных ни к какому труду, хотя и образованных, предпочли «веселиться» и вести легкую жизнь. Вот в этом-то акционерном обществе эти женщины были желанными гостями». То есть, по словам Лаппа-Старженецкой, занимались проституцией в «негласном борделе» на первом этаже. Она утверждает, что там «и встречался Сергей Есенин... со всеми женщинами, которые его осаждали, в том числе с Ольгой Кобцовой, Есауловой, Соколовской».

Нет никаких сведений о Есауловой и Соколовской, так и оставшихся безымянными. А вот с Ольгой Кобцовой поэт знакомится почти сразу по приезде в Батум. Современники говорят о ней по-разному. Одни – как о «девушке лет восемнадцати, внешним видом напоминавшей гим-

Есенин с Ольгой Кобцовой

назистку былых времен, начитанной, с интересами и тяготением к литературе, восторженно встретившей Есенина». Другие – как о «симпатичной, разбитной, неглупой и легкой на подъем барышне». А Есенин называет ее «Мисс Оль». Как говорили тогда, образовав это прозвище и из ее имени, и из «Стандарт ойл» – места их знакомства и встреч. Почему же мы на этих страницах уделяем такое внимание этому недолгому знакомству Сергея с одной из многих его поклонниц? Да потому, что дело чуть не доходит до... свадьбы.

Сергей отправляет своей сестре Екатерине фотографию, запечатлевшую его с Ольгой. По Москве ползут слухи о том, что очередное любовное увлечение Есенина заканчивается женитьбой. И он начинает оправдываться перед близкой знакомой Анной Берзинь: «С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез! Это было совсем смешно (один раз в ресторане я

встретил знакомых тифлисцев). Я сидел просто с приятелями. Когда меня спросили, что это за женщина, я ответил: «Моя жена. Нравится?» – «Да, у тебя губа не дура». Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка – мне и Повицкому, с которой мы даже не встречаемся теперь». И опять он скрытничает – девушка с обликом гимназистки имеет на него самые серьезные виды.

Матримониальные планы бойкой «Мисс Оль» разрушает верный есенинский друг Повицкий, озабоченный тем, что Сергей уже захаживает и к родителям девушки. Как Лев провел эту «специальную операцию», он расскажет сам: «Я получил от местных людей сведения, бросавшие тень на репутацию как «Мисс Оль», так и ее родных. Сведения эти вызывали предположения, что девушка и ее родные причастны к контрабандной торговле с Турцией, а то еще, может быть, и к худшему делу. Я об этом

сказал Есенину. Он бывал у нее дома, и я ему посоветовал присмотреться внимательнее к ее родным. По-видимому, наблюдения его подтвердили мои опасения, и он к ней стал охладевать. Она это заметила и в разговоре со мной дала понять, что я, очевидно, повлиял в этом отношении на Есенина. Я не считал нужным особенно оправдываться».

Вскоре после этого разговора Повицкий видит Сергея и Ольгу в ресторане, хочет пройти мимо, но Есенин окликает его и приглашает к столу. Кобцова тут же поднимается и с вызовом заявляет: «Если Лев Осипович сядет, я сейчас же уйду». В ответ Сергей, «иронически улыбаясь прищуренным глазом», медленно говорит: «Мисс Оль, я вас не задерживаю». Так они расстаются навсегда.

А из Тифлиса Соколов и Вержбицкий бомбардируют Есенина вопросами о Кобцовой. И он небрежно отвечает Вержбицкому: «Miss Olli отдали мы – ее кошке. С ней ей уютней. Нам она не ко двору». Но, наверное, какие-то струны Ольга в нем задела всерьез. Уже, когда у него новая пассия, «мисс Оль» возникает вновь – в оправданиях перед Вержбицким на тему женитьбы: «Завел новый роман, а женщину с кошкой не вижу второй месяц. Послал ее к черту. Да и вообще с женитьбой я просто дурака валял. Я в эти оглобли не коренник. Лучше так, сбоку, пристяжным. И простору больше, и хомут не трет, и кнут реже достает».

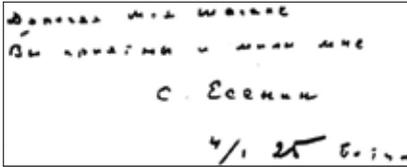
«Я ГОТОВ РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ ПОЛЕ»

А вот с другой кратковременной батумской знакомой все происходит по-иному. Если о «Мисс Оль» сейчас знают единицы, то о Шаганэ слышали все, читавшие Есенина. Вообще-то, настоящее имя этой женщины – Шагандухт, оно старинное, персидского (!) происхождения. Поэт как в воду смотрел, сделав его носительницу символом своего цикла «Персидские мотивы». Но, согласи-

Шаганэ Тертерян

**Автограф надписал на книге
«Москва кабацкая»**

теть, произносить это имя трудно, поэтому у армян появляется свой вариант – Шаганэ. Исследователи есенинского творчества отыскивали ее лишь в 1950-х, когда она носила фамилию второго мужа – Тальян. Под этой фамилией она и входит в большинство текстов о Есенине. Но в Батуме 1924 года это была Шаганэ Тертерян (фамилия первого супруга, скончавшегося незадолго до ее переезда в Аджарию). А после рождения в грузинском городке Ахалкалаки она, естественно, носила фамилию отца-священника, выпускника Тифлисской семинарии Нерсеса Амбарцумяна.

Познакомимся поближе с этой женщиной, ведь Есенин вспоминает ее в шести стихотворениях из пятнадцати, вошедших в «Персидские мотивы»! В одиннадцать лет она лишилась матери, в девятнадцать – отца, успев окончить женскую гимназию в Хашури. Окончила она еще и бывшие Фребелевские курсы – педагогическое учебное заведение, готовившее воспитательниц детей дошкольного возраста. В 24 года овдовела и осталась с двухлетним сыном Рубеном. Найти работу в Тифлисе не удастся, и она едет в Батум, где в армянской школе учительствует младшая сестра Катя

(Катра). Но поселиться с сыном у сестры не удастся – хозяйка дома не хочет жилищу с ребенком. Да и в комнатушке, которую снимает Катя, жить с малышом невозможно. Поэтому мальчика временно забирает старшая сестра Ашхен. А Шаганэ начинает преподавать арифметику и ведет нулевую группу в одной школе с Катей.

И вот, в середине декабря 1924 года, выйдя из школы, она замечает на углу «молодого человека выше среднего роста, стройного, русоволосого, в мягкой шляпе и в заграничном макинтоше поверх серого костюма». Явно приезжего. К Шаганэ он не подходит, но идет за ней до дома, в отдалении. А вечером к сестрам-учительницам врывается соседка по дому №15 на Смекаловской (ныне – Руставели) улице Елизавета

Книга, подаренная Шаганэ Есениным

Иоффе, хорошо знающая Повицко-го: «Катра, известный русский поэт хочет познакомиться с нашей Шаганэ!» Оказывается, Есенин с другом сидят у нее в комнате и там становится так тесно, что все отправляются гулять в парк.

На следующий день Сергей вновь ждет Шаганэ у школы, они гуляют по бульвару, он читает ей стихотворения из своего персидского цикла. Одно из них написано уже на второй день знакомства – редчайший случай для Есенина. Конечно же, это:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ...

Текст стихотворения на двух листах клетчатой тетрадной бумаги Сергей дарит молодой армянке, навсегда вошедшей в русскую поэзию как персиянка из Шираза. А вечером Есенин снова заходит с Повицким, который приглашает сестер к себе, на литературный вечер. Предложение с удовольствием принимается... После этого Сергей и Шаганэ встречаются ежедневно. Она вспоминает: «Когда Есенин встречал меня в обществе других мужчин, например, моих коллег-преподавателей, то подходил сам, знакомился с ними, но уходил обязательно со мной... Всегда приходил с цветами, иногда с розами, но чаще с фиалками». И вот что необычно для влюбчивого поэта: не только он с Шаганэ,

Фото гимназистки Шаганэ – подарок Есенину

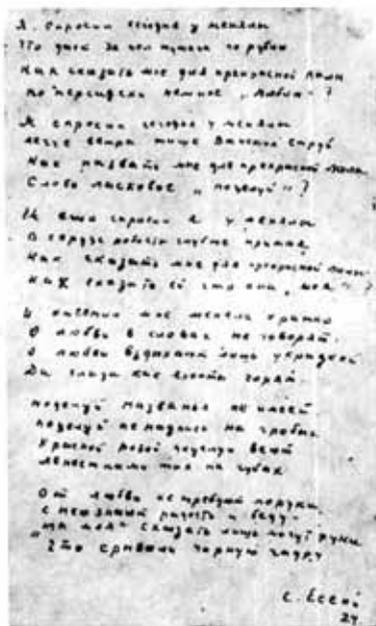
но и все окружающие в один голос утверждали, что никакого романа у них не было – только дружба, чисто платоническая. Правда, по стихам этого не скажешь, но негоже отождествлять лирических героинь с реальными людьми...

Он дарит ей книжку своих стихов «Москва Кабацкая» с автографом: «Дорогая моя Шаганэ, Вы приятны и милы мне. С. Есенин. 4.1.25 г., Батум». Еще один автограф – стихотворение «Ты сказала, что Саади...», написанное на обороте фотографии: Есенин с Вержбицким, Повицким, Стором и врачом Михаилом Тарасенко валяют дурака на батумском пляже. Над стихотворением – надпись: «Милой Шаганэ». Когда в конце декабря выпадает столь редкий в этих местах снег, Сергей первым делом приезжает на санях к Шага-

нэ и ее сестре – покататься вдоль моря, до поселка Махинджаури. Поездка удалась: «Мы впервые ехали на санях, и, наверное, Есенин хотел показать нам, мне и сестре, всю прелесть этой езды. На полдороге он, извинившись, попросил разрешения сесть на козлы: гнал коня, смеялся, веселясь, как ребенок...»

По вечерам он приходит на Сmealовскую, 15 пить чай с дотоле не известным ему и очень понравившимся мандариновым вареньем,

Сергей Есенин в Батуми и Шаганэ с подружками. Л. Гудиашвили. 1924

Автограф стиха «Я спросил сегодня у менялы» из «Персидских мотивов»

объявляет, что «уже достаточно поработал, а теперь отдыхает». Когда же Шаганэ заболевает, а сестра должна уходить на работу, Сергей три дня подряд приходит с утра, готовит чай, читает стихи, развлекает «простыми, спокойными» рассказами. Потом он отбирает на память фотографию Шаганэ в гимназической форме, и заявляет, что поместит ее в книгу «Персидские мотивы». Шаганэ просит этого не делать: «Стихи и так прекрасны, и карточка к ним ничего не прибавит».

Но Есенин уже начинает уставать от непривычного образа жизни. И, сообщая об этом, не стесняется в черных красках. Письмо Бенислав-

ской: «Мне здесь дьявольски надоело... Здесь очень скверно... Батум хуже деревни. Очень маленький, и все друг друга знают наперечет. Играю с тоски в бильярд. Пишу еще поэму и пьесу... Пришлите мне все, что вышло из новых книг, а то читать нечего». Поэма, о которой идет речь, – так и неоконченная «Страна негодяев». А Лаппа-Старженецкая вспоминает: «Я часто встречала его и всегда слышала от него одну и ту же тоскующую фразу: «В Москву хочу, все мне здесь опостыло... Черного хлебушка хочу... русского хлебушка...»

В конце января появляется новый собутыльник – московский купчик, разбогатевший при НЭПе, все зовут его просто Митя. У него деньги, с ним друзья, и Сергей, как говорится, гуляет по полной. И вот – последнее, что помнит о нем Шаганэ: «Незадолго до отъезда он все чаще и чаще предавался кутежам и стал бывать у нас реже. Вечером, накануне отъезда, Сергей Александрович пришел к нам и объявил, что уезжает. Он сказал, что никогда меня не забудет, нежно простился со мною, но не пожелал, чтобы я и сестра его провожали. Писем от него я также не получала. С.А. Есенин есть и до конца дней будет светлым воспоминанием в моей жизни».

За два с небольшим месяца, проведенных в Батуми (с декабря 1924-го по февраль 1925-го,) Есенин успел закончить цикл «Персидские мотивы», поэму «Анна Снегина» и написать несколько стихотворений.

«...ХОЧУ БЕЖАТЬ. КУДА? НА КАВКАЗ!»

В Тифлис поэт возвращается 18 февраля и уже через неделю уезжает в Баку, а оттуда – в Москву. Его тянет в привычную обстановку, он ждет новые тиражи и гонорары, а Лившица в Грузии нет – уехал по делам в столицу. Значит, рассчитывать на деньги в «Заре Востока» не приходится... На Южном Кавказе, в основном в Грузии, с 9 сентября 1924 года по 25 февраля 1925-го он выпускает две книги стихов – «Русь Советскую» и «Страну Советскую», пишет и цикл «Персидские мотивы», «Балладу о двадцати шести» (в Баку), стихотворения «Письмо к женщине», «Мой путь», «Капитан земли», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Цветы», «Памяти Брюсова», заканчивает поэму «Анна Снегина».

«Он очень мало и плохо знал Грузию до приезда к нам, – считал Георгий Леонидзе, – но тем ненасытнее оказалась его любознательность и жажда познания распахнувшего ему дружеские объятия края и народа, поэтической среды. Известно, какие широкие и интересные замыслы лелеял Есенин, приписавший к одному из своих тбилисских стихотворений выношенный им «тезис» о необходимости дополнить «смычку рабочих и крестьян» «смычкой разных народов». Им были задуманы

переводы из грузинской поэзии, он договаривался о редактировании литературного приложения к газете «Заря Востока», он мечтал о создании особого цикла стихов о Грузии, поклявшись в стихах «твердить в свой час прощальный» о ней.

Купить ему билет в вагон первого класса из Баку до Москвы распоряжается сам первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, сталинский любимец Сергей Киров. Он же дает в сопровождающие видного большевика. И 1 марта Есенин выходит из вагона на Курском вокзале. А уже через 19 дней в Тифлис уходит его письмо:

«Милый друг Тициан! Вот я и в Москве. Обрадован страшно, что вижу своих друзей, и вспоминаю и рассказываю им о Тифлисе. Похождения наши здесь уже известны вплоть до того, как мы варили кепи

Паоло в хаши. Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере – тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас. В эту весну в Тифлисе, вероятно, будет целый съезд москвичей. Собирается Качалов, Пильняк, Толстая и Вс. Иванов. Бабель приедет раньше. Уложите его в доску. Парень он очень хороший и стоит гостеприимства. Спроси Паоло, какое нужно мне купить ружье по кабанам. Пусть напишет. Передай привет всем моим добрым друзьям – Паоло, Робакидзе, Леонидзе и Гаприндашвили. Поцелуй руку твоей жене и дочке и, если не трудно, черкни пару слов».

Еще через пять дней – Вержбицкому: «Дела мои великолепны, но чувствую, что надо бежать, чтобы еще сделать что-нибудь. Старик! Ведь годы бегут, а по заповеди так:

До свидания зреть мой
 Милый мой чей у меня
 Прозназывает не раскобани
 Обачаеи Бомбому Бомбому
 До свидания зреть мой
 Но зреть и не зреть, а зреть
 Из зреть жизни у зреть ГИ
 Но и зреть конечно
 С.Е.

Автограф последнего стихотворения Есенина

воды грузинских поэтов, учитывая важность этого дела для обоюдного культурного сближения, но и этому не пришлось сбыться. Несомненно, для осуществления этого крупного культурного дела, кроме желания русских и грузинских поэтов, нужен более внушительный общественный почин». Согласитесь, справедливо не только для того времени...

Есенин сообщает грузинским поэтам, что ждет их в гости, чтобы отвезти в свое родное Константиново и угостить ухой из рыбы, которую сам наловит в Оке. Он пишет Тиграну, что тифлисская зима навсегда останется для него лучшим воспоминанием, и в следующую зиму он хочет опять «засесть в Тифлисе»... И все кажется таким вполне реальным, близким, дарящим счастье еще на многие-многое годы. И никому не дано тогда знать, что в Тифлисе поэт встретил последний год своей жизни.

Признаем: о том, что и в Грузии

поэт не всегда был радостен и беззаботен, написано намного меньше, чем о беспечальных моментах. А ведь в то время он перерабатывал своего «Черного человека», сомнения и тревога затаились в глубине души, жизнь давала немало поводов для невеселых размышлений...

Впервые приехавший в Тифлис 28-летний поэт Николай Тихонов неожиданно встречается на улице Есенина, недавно вернувшегося из Баку. Через много лет он будет награжден всеми высшими наградами СССР – Герой Социалистического Труда, лауреат трех Сталинских премий первой степени, двух Ленинских премий (одна из них – международная «За укрепление мира между народами»). Да еще... народный поэт Узбекской ССР. А в 1924 году на его счету всего два сборника стихов, у Есенина – намного больше, и Николай счастлив, что встретил в

Николай Тихонов

«Нетопырь»

чужом городе знакомого человека, который там «очень известен и любим»...

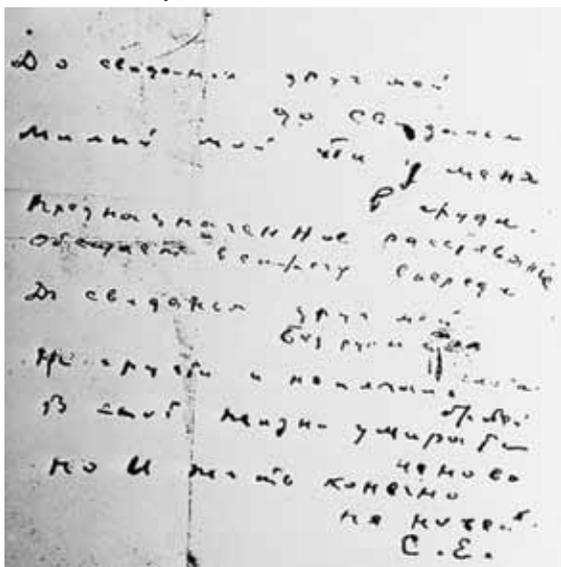
Есенин, как всегда, не один, но откровенничать хочет лишь с московским приятелем. И предлагает: «Давай удерем от моих опекающих». Они удирают и долго сидят в маленьком духане. Сергей читает свежую «Поэму о двадцати шести», добавляя: «У меня хорошо сейчас идут стихи, много пишу». А за соседним столом так сдвигают стаканы, что они разбиваются, и осколки падают к ногам Есенина. «И вдруг лицо его сразу переменялось, — вспоминает Тихонов. — Веселость исчезла. На лоб легла какая-то тень усталости, глаза стали тревожными, точно он что-то видит, чего не вижу я. Он перестал читать стихи и замолчал. Помолчав, он заговорил, и я видел, что появилась напускная веселость, которой он прикрывал волнение».

Сергей спрашивает приятеля, хорошо ли тот спит в Тифлисе, и признается: «Я не могу спать по ночам...

Раскрываешь окно на ночь — влетают какие-то птицы». Потом уточняет, что это оказались не птицы, а нетопыри, летучие мыши: «Когти, как наманикюренные, рот кровавой полоской... Взял палку — выгнал одного, другой нетопырь висит у окна на занавеске. Спать не дают. Каждую ночь прилетают. Окон раскрыть нельзя. Серые кладбищенские какие-то уроды... Ну, ладно, бросим о них. Давай, выпьем!»

Они выпивают, и у них тоже разбиваются стаканы. «Я засмеялся, — вспоминает Тихонов, — но он отвел глаза. Я увидел его тревогу. Мы обнялись и расстались». А это — о судьбе и смерти Есенина: «Серые птицы не давали ему спать и не только спать, они волочили свои крылья по его стихам, путали его мысли и мешали жить. Когда-нибудь мы уз-

Бывший Дом правительства

Сергей Есенин и Софья Толстая-Есенина

наем их имена. Но никто никогда не узнает, какой страшный нетопырь, залетев в его комнату в северную длинную, зимнюю ночь, смел начисто и молодой смех, и ясные глаза, и песни...»

И — о несбывшемся: «Как жаль, что он не задержался на Кавказе... Сердечна была его дружба с грузинскими поэтами... Он, так любивший стихи Пушкина и Лермонтова, мог снова создать поэтический мост между русскими советскими поэтами и поэтами стран борющегося Востока. В лице Есенина возник бы замечательный певец дружбы народов».

Да, пожалуй, никто не скажет о поэте лучше, чем другой поэт.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Мы начали разговор о Есенине в Грузии с того, что его биография полна неразгаданных тайн. И в конце вспомним два эпизода на эту же тему. Большинство литературоведов и все современники поэта утверждают, что он из Аджарии никуда не выезжал. Лев Повицкий, вспоминая его слова: «Я должен быть в Сухуме и Эривани», прямо пишет, что «обе предполагаемые поездки не состоялись». А Вадим Белоусов подчеркивает: «Неизвестно пока, чтобы за период жизни в Батуме поэт куда-либо выезжал из города, не считая Махинджаури» (курорт в семи километрах от аджарской столицы).

Однако в газете «Советская Абхазия» №142 от 20 июля 1962 года появляется статья краеведа Вианора Пачулиа о... пребывании Есенина в Абхазии. Она написана со слов старейшего полиграфиста автономной республики, бывшего члена ЦИКа Абхазии Майора Хахмигери, утверждающего, что поэт приплыл на пароходе из Батума в Сухум в феврале 1925 года. Приведем эту статью полностью:

«Возвращаясь на дилижансе в Сухум из санатория «Гульрипш», на шоссе вблизи «Синопа» я увидел группу людей, среди которых находился С. Чанба, председатель ЦИКа Абхазии. Я подошел к нему. Мы го-

ворили о переименовании Первой советской типографии, как она тогда называлась, в типографию имени В. И. Ленина. Вскоре после этого разговора типография была переименована. Кроме С. Чанба, в этой группе были А. Герваси (редактор газеты «Трудовая Абхазия»), В. Агрба (нарком земледелия Абхазской АССР), К. Инал-ипа (военный комиссар Абхазии) и другие лица. Они были мне знакомы. Лишь одного из находившихся в группе я не знал. Это был молодой человек среднего роста, с пышными, зачесанными назад волосами, большими добрыми серыми глазами и поразительно правильными чертами лица. Одет он был модно, изящно.

Вианор Пачулия

Сухумская гостиница «Россия»

Беседа происходила у обочины шоссе. К. Инал-ипа вдруг сказал: «Товарищ Есенин, мы, кажется, начинаем пошаливать». На это Есенин ответил: «Да, мы шалим, а шалить – значит жить весело». Есенин был в приподнятом настроении. Временами он устремлял взгляд на море или на город, любовался горами, сияющими вдали. Живописный пейзаж приводил его в восторг. «Други мои! – воскликнул он. – Это великолепно, очаровательно, это сказка наяву. Абхазия подобна Эдему, но жить должны здесь не праведники, а только поэты! Да, да, поэты. Воспеть бы Абхазию вдохновенно, как умеет воспевать Есенин!»

Вся группа выразила Есенину

Виктор Стражев

одобрение этой мысли. Общительность Есенина создавала атмосферу непосредственности, которая сразу же сближает людей. Вскоре вся группа направилась в дом отдыха имени С. Орджоникидзе».

Приведя рассказ еще молодого тогда полиграфиста, Пачулиа добавляет: «Есть сведения о том, что поэт посвятил нашему городу стихотворение». Но никаких подробностей об этом стихотворении Хахмигери и Пачулиа сообщить не могут, когда в 1985 году встречаются в Сухуми с Сергеем Кошечкиным, автором нескольких книг о Есенине. Вместо этого Хахмигери добавляет детали, не вошедшие в статью. А именно: во время разговора с поэтом Инал-ипа, кивнув в сторону Хахмигери, сообщил: «Сергей Александрович, а ведь это печатник!» Поэт с улыбкой протянул руку молодому человеку: «О, печатники нам родня!». И еще автор статьи утверждает, что Есенин останавливался в сухумской гостинице «Россия».

Ну а москвич Александр Дятлов, влюбленный в Абхазию и работавший под руководством Вианора Пачулиа на раскопках под Новым Афоном, утверждает: «И все-таки, стихотворение Есенина о его пребывании в Сухуми не пропало», приводя строфы, которые гуляют по различным изданиям. Вот некоторые из них:

По Москве хулиганскую славу
Променял на сухумский духан.
Авось хоть тут златоглавый

Василий Есенин (справа)

Отдохнешь, рязанский буян!

Жизнь истаскал в опорки.

А дешево тут вино!

Кто-то по фамилии Зоркин

Пил брудершафт со мной.

Эх, ты, Серега! Серега!

Лихая русская дурь!

В сухумском духане потрогать

Приехал чужую лазурь!

На самом же деле это написал в 1927 году и опубликовал в подборке «Сухумская антология» поэт-символист, педагог и археолог Виктор Стражев, долго живший в Сухуми. Он в пародийной форме представил, что могли бы написать об этом городе Игорь Северянин, Владимир Маяковский и другие знаменитые поэты того времени. Есенин в пародийной антологии представляется так: «В биографии крупнейшего лирического поэта нашей эпохи Сергея Есенина остался совершенно неизвестным факт его пребывания в Сухуме. Мы имеем полную воз-

можность не только установить этот факт, но и опубликовать никому не известное стихотворение поэта, написанное в Сухуме о Сухуме и оброненное им (на почтовой бумаге небольшого формата) на пляже за крепостью».

Так был Есенин в Сухуми или не был?

Но есть еще и вовсе таинственная история, связывающая имя Есенина с Тбилиси. Весна 1944-го. Петроградский друг Есенина, соратник по имажинизму Рюрик Ивнев живет в Тбилиси. И запыхавшаяся курьерша очень просит прийти его к Симону Чиковани, превратившемуся за эти годы из юного обитателя пустой комнаты в главу Союза писателей Грузии. В его кабинете на шею Рюрику бросается молодой человек, слегка похожий на Есенина. Голосом, тембр которого удивительно

Рюрик Ивнев

напоминает есенинский, он представляется сыном поэта, приехавшим из Средней Азии. И показывает паспорт на имя Василия Сергеевича Есенина. «А когда Василий начал наизусть читать с большим мастерством и тактом не только лирические стихи отца, но и его поэмы, не запнувшись ни разу, все поняли, что в Тбилиси приехал не просто сын поэта, но и прекрасный чтец его стихов», – вспоминает Ивнев.

Конечно же, вокруг 22-летнего гостя – радостная суета, особенно старается будущий директор Музея имени Андрея Рублева в Москве Давид Арсенишвили. Он поселяет Василия у себя, берет на полное иждивение. И рождается идея большого вечера, на котором сын прочтет

стихи отца, а Ивнев поделится воспоминаниями. Успех превосходит все ожидания: Василий выступает блестяще, в Сталинири (Цхинвали) и Гори – по два раза в день, а в Батуми – даже трижды. В Тбилиси он часто приходит к Ивневу на улицу Энгельса №6 (ныне улица Ладо Асатиани), которая, что примечательно, соседствует с той самой Коджорской... Уезжает он неожиданно, в Краснодар, откуда присылает пару открыток, а потом исчезает для тбилисцев навсегда.

Ивнев, которого в этих открытках поразил бисерный почерк, очень напоминавший есенинский, до конца жизни был уверен, что Василий – сын Сергея. Похоже, мало сомневалась в этом и великая Фаина Раневская,

для которой прямо в купе ехавшего по Закавказью поезда Василий устроил импровизированный вечер поэзии. Да и поэт Алексей Марков вспоминал, как в приемной «Зари Востока» встретил «голубоглазого, белокурого парня, по-байроновски припадавшего на одну ногу» и очень похожего на портреты Есенина – «и прическу, и лоб, и даже зарницы глаз с них скопировал». Парень представился: «Поэт Есенин... Василий, сын Сергея».

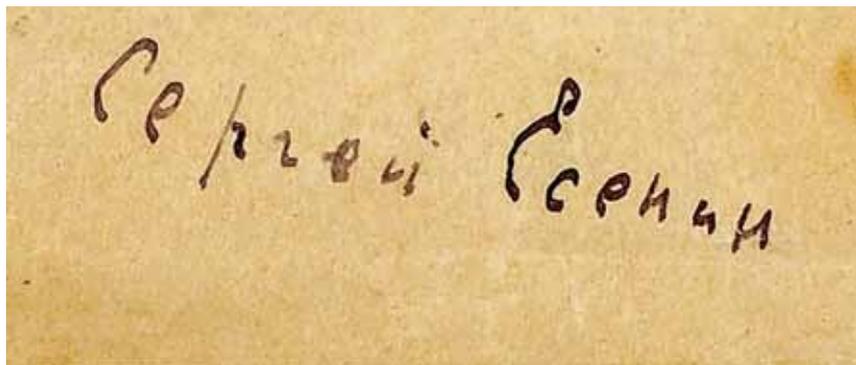
Очень многие считали его самозванцем и небезуспешно опровергали многие приводимые им факты, а он продолжал гастролировать, в основном по южным городам. И был настолько уверен, что в сложное военное время не до разборок с ним, что в 1945 году решился написать не кому-нибудь, а самому Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! 4 октября нынешнего года исполнится 50 лет со дня рождения поэта Сергея Александровича Есенина. Я, как сын поэта, обращаюсь к Вам с

просьбой высказать Ваше мнение (далее вычеркнуто) по поводу проведения юбилея. Считаете ли Вы необходимым, чтобы страна отметила дату рождения поэта, творчество которого пронизано бесконечной любовью к Родине. С глубоким к Вам уважением Василий Есенин. Тбилиси. Мачабели, 13. Союз советских писателей Грузии».

И это – при том, что Есенин в то время был под запретом... Известно, дошло ли это письмо до вождя. Не ясно, была ли вообще официальная реакция. Но факт остается фактом: через несколько месяцев его арестовывают и отправляют в места, не столь отдаленные. То ли как сына опального поэта, то ли как самозванца. И с тех пор о нем никто ничего не слышал.

Но для нас в этой истории важно другое: был ли коллега «детей лейтенанта Шмидта» или сын поэта, принимая его, жители Грузии продемонстрировали, какие чувства вызывает у них имя Сергея Есенина.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	5
«БЫЛИ ТОЖЕ В ТИФЛИСЕ...»	6
«ПОЭТЫ ВСЕ ЕДИНОЙ КРОВИ»	9
«ЛЮБИ МЕНЯ И ГОЛУБЫЕ РОГИ»	14
«Я ЕЩЕ НАПИШУ СТИХИ ПОЛУЧШЕ»	19
«ТЫ ВОСХИТИТЕЛЬНА, «ЗАРЯ ВОСТОКА»	24
НА КОДЖОРСКОЙ И «ПУШКИНУ ПРЕДАВАЛИСЬ».....	26
«ПЕВУЧЕЕ И ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ТИФЛИСА»	30
СТРОКИ, НАВЕЯННЫЕ ТИФЛИСОМ.....	34
НЕ ВСЕГДА «ПО ПЛАТЬЮ ВСТРЕЧАЮТ»	36
К БАРЬЕРУ!	38
«ПОВИДАТЬ «НАСТОЯЩИЙ ВОСТОК»	43
«ЖИВИ ПОЖАЛУЙСТА, ПИШИ СТИХИ»	46
«ДА, У ТЕБЯ ГУБА НЕ ДУРА»	49
«Я ГОТОВ РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ ПОЛЕ»	52
«...ХОЧУ БЕЖАТЬ. КУДА? НА КАВКАЗ!».....	56
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	61

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
СЕВЕРНЫЙ ДРУГ И БРАТ
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

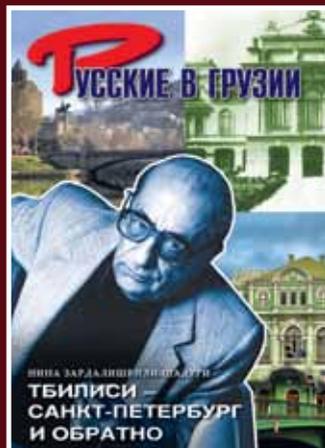
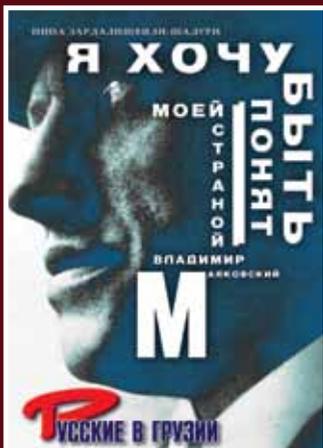
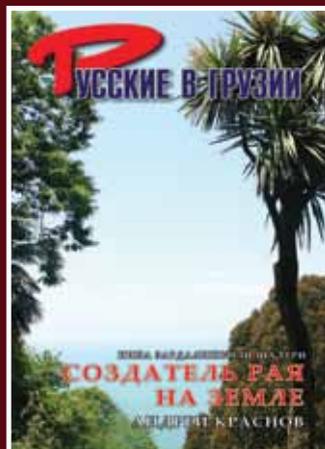
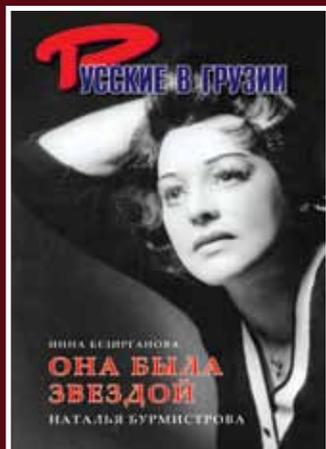
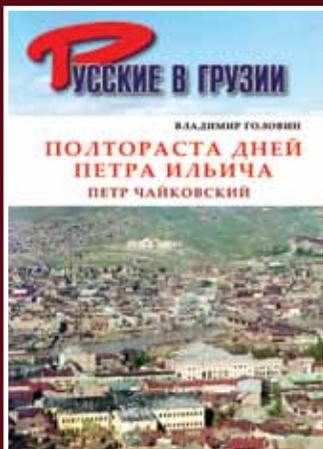
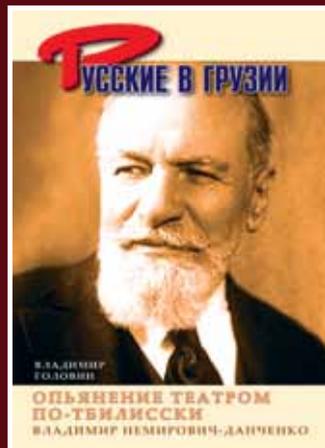
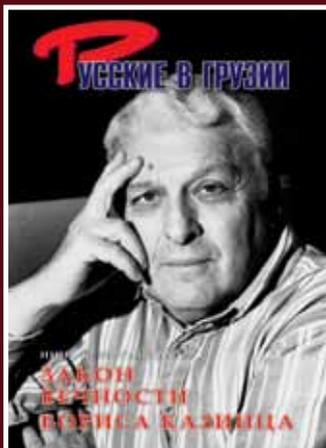
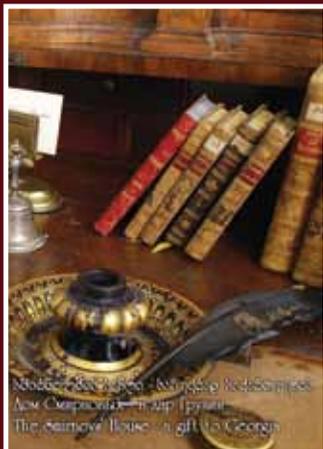
Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Использованы фотографии из открытого доступа в интернете

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Владимир Головин — поэт, журналист, заместитель главного редактора журнала «Русский клуб». Член Союза писателей Грузии, лауреат премии Союза журналистов Грузии, двукратный призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира», один из победителей Международного конкурса «Бессмертный полк — без границ» в честь 75-летия Победы над нацизмом. С 1984 года был членом Союза журналистов СССР. Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете «Russian bazaar» (США), сотрудничал с различными из-

даниями Грузии, Израиля, Азербайджана, России. Пять лет был главным редактором самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект». Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг очерков «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги», более десятка книг в серии «Русские в Грузии».

Стихи и переводы напечатаны в «Антологии грузинской поэзии», «Литературной газете» (Россия), сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» и «Под небом Грузии» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Плеяда Южного Кавказа», «Перекрытки», «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии» (Грузия).

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) — грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза — Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира — как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» — всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни — литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых — ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Русские в Грузии», «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

